

АЛЕНА ВОСКРЕСЕНСКАЯ

КОГДА ЗАПОЁТ СОЛОВЕЙ

Алена Воскресенская
Когда запоет соловей

«Автор»

2023

Воскресенская А.

Когда запоет соловей / А. Воскресенская — «Автор», 2023

Кажется, что Безымянное королевство вступило в эпоху благоденствия. Вот только это мнимое спокойствие нарушают тревожные сведения, поступающие с разных концов страны: убийства девушек на севере, набеги кочевников на востоке, поджоги деревень на юге. Никому не приходит в голову связать их воедино. Но безобидная детская шалость запускает цепочку событий, которая неожиданно вскрывает грандиозные планы нового врага королевства. В заключительной части трилогии мы познакомимся с новыми персонажами и встретим полюбившихся героев из предыдущих книг.

© Воскресенская А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1. Выпавшие из гнезда	5
Глава 1. Трегор-дин	5
Глава 2. Мика	8
Глава 3. Никлаус	11
Глава 4. Трегор-дин	18
Глава 5. Ольга	23
Глава 6. Альтаир	27
Глава 7. Трегор-дин	31
Глава 8. Ольга	34
Глава 9. Никлаус	38
Глава 10. Трегор-дин	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алена Воскресенская

Когда запоет соловей

Часть 1. Выпавшие из гнезда

Глава 1. Трегор-дин

Сколько себя помню, я живу в этой пестрой кибитке. Совсем маленьким я спал на одном из огромных кованых сундуков с крепкими навесными замками, потом моей постелью стала ветхая соломенная циновка. До сих пор не понимаю, как она еще не рассыпалась от старости за столько лет.

Кроме сундуков и моего скромного ложа, в кибитке была еще куча вещей: разноцветные коврики висели на стенах и устилали пол, неустойчивой башней громоздились тюки с разнообразным скарбом – от костюмов гимнастов до фальшивых бород и королевских платьев актеров. К потолку часто подвешивали клетки с птицами, из-за чего все вещи в кибитке покрывались слоем перьев и помета. Иногда сюда впихивали еще и мешки с зерном или другими припасами. На правах самых сильных мужчин нашей общины это делали мои старшие братья, легко воровавшие любые увесистые предметы и при этом беззлобно ругавшие тесноту и захламленность.

Поэтому из людей место в кибитке нашлось только для меня, и это настоящая роскошь. Пусть в невероятной тесноте, задыхаясь среди душливых запахов, исходящих от старой одежды, гнилых яблок или картофеля, но я мог какое-то время побыть наедине со своими мыслями и мечтами.

Со временем мне даже удалось расчистить небольшой угол между сундуком, ранее служившим мне постелью, и неаккуратно сложенными декорациями давно не ставившейся пьесы. Там хранились мои немногочисленные сокровища: ловец снов, который я смастерил из орлиных перьев; старые кожаные ножны без перевязи, случайно найденные в одном местечке близ Веепарка, где, по слухам, когда-то шла кровавая битва; камень с блестящими вкраплениями – я знал, что он не имеет никакой ценности, но мне нравилось воображать, что это не так.

А еще в моем углу был маленький неокрашенный кусочек стены, на котором я иногда рисовал углем. Рисунки получались несовершенные, даже, откровенно говоря, плохие, но я давал в них волю своей фантазии: линии словно оживали и манили в волшебные края, где я был не простым вором и бродягой, а смелым воином, защитником слабых и обездоленных.

Когда-то я задумывался, с самого ли рождения мне была уготована такая судьба? Особенно часто эти мысли приходили ко мне несколько лет назад. Тогда меня посещали странные видения, которые, как мне представлялось, отражали мою прежнюю, таинственную жизнь. Став старше, я принял решение считать, что это все когда-то мне просто приснилось. Но могут ли сны быть такими яркими? Может ли присниться крепкий добротный дом с собственной постелью и огромной печью, тепло которой, казалось, помнят кончики моих пальцев? Почему из раза в раз мне снилась одна и та же красивая женщина, с печальной улыбкой протягивающая ко мне свои нежные руки, и я с замиранием сердца думал, что она моя мать? Мог ли моим настоящим отцом быть суровый бородатый мужчина со смеющимися глазами, из уголков которых разбегались морщинки, а не *дэда*, угрюмый, низкорослый, скупой на похвалу и доброе слово?

Этих вопросов я никогда никому не задавал, поскольку не помнил другой жизни, кроме езды в разноцветной тесной кибитке по вечно пыльной дороге. Но в неприметном углу за сун-

дуком я много раз пытался (потом, конечно, забросил) нарисовать эти картины. Или, быть может, просто сны...

По правде говоря, даже если б я и захотел спросить *дэду* о странных видениях, то вряд ли бы он мне ответил. Мужчина, считавшийся моим отцом, никогда не отвечал на вопросы. В нашей общине это было не принято. Единственным человеком, через которого я мог передать *дэде* просьбу или сообщение, была моя мать. Но чаще всего она говорила: «Ой, Трегор-дин, дитяtko, не забивай *дэде* голову, иди-ка лучше напои коней». И я послушно шел за водой, стараясь не попасться на глаза отцу, пьющему чай в тени растянутого между кибитками тента.

Нзари, называвшаяся моей матерью, одновременно считалась таковой для доброй половины нашей общины. И никто не мог бы сказать с уверенностью, что это так и есть на самом деле. Она была еще нестарой женщиной, но в ее черных волосах уже серебрилась седина, руки давно загрубели и искривились от тяжелой работы, грузное тело утратило упругость и красоту. Ходила она медленно, переваливаясь с боку на бок, шумно дышала и покрывалась потом, стоило ей пройти хоть десяток шагов. Но в женских делах Нзари проявляла проворство: в общине не было никого, кто превосходил бы ее в стряпне, столь же ловко она пряла и вязала. Будучи ребенком, я любил наблюдать за ней; то, с какой скоростью из-под ее спиц выползало разноцветное полотно, казалось мне сродни волшебству.

За работой Нзари всегда пела, ее голос был сильным и красивым. Часто она напевала баллады, что мне особенно нравилось. Я использовал любую возможность остаться подле матери, лишь бы дослушать песню до конца. Такое поведение Нзари истолковывала как мою особую привязанность к ней и, возможно, поэтому привчала меня чуть больше, чем остальных детей. Лишь на самую малость, поскольку *дэда* не поощрял, чтобы заводились любимчики. Как, впрочем, пресекал и какие бы то ни было другие проявления близких отношений в общине.

Единственным чувством, которое отец внушал каждому из нас, был страх. Его боялись даже мои старшие братья-силачи, поскольку знали, что в худощавом жилистом теле *дэды* кроется огромная сила, движимая беспощадностью и злостью, а за отворотом поношенного сапога из красной винтильской кожи спрятан острый кривой нож. *Дэда* часто и легко впадал в гнев и в эти минуты был поистине страшен, а потом очень долго остывал. Немногословный, но при этом обладающий незаурядным умом и смекалкой, он обычно выдавал лишь краткие указания, и не появилось еще в общине человека, который посмел бы их не исполнить. Указания эти зачастую были нехорошие и малоприятные – именно по приказу *дэды* я начал заниматься воровством.

Наша община кочевала по всей стране и называлась бродячим цирком. Мы показывали представления в городах и селах и тем зарабатывали на пропитание. Мои старшие братья Вознак и Ширу на спор поднимали пудовые гири и бросали друг другу бревна. Аклета и Идзури, считавшиеся моими сестрами, ходили по тонкой проволоке под самым куполом шатра, который мы растягивали на каком-нибудь ровном месте, и кувыркались на трапециях, а после оказывали и другие услуги мужчинам, впечатленным их стройными фигурами в гимнастических трико. Близнецы Айко и Видур, которые были не намного старше меня, разыгрывали спектакли на потеху публике. В зависимости от того, какую пьесу они решали ставить, к ним иногда присоединялась зеленоглазая Радули со своими куклами-марионетками. Были в общине и жонглеры, шпагоглотатели, чревовещатели, гадалки на картах и даже фокусник, старый Мирту, к которому меня определили вроде как в ученики. Хотя все знали, что мне уготована другая участь.

Сам *дэда* был укротителем животных. Вернее, одного животного – старого, уже почти беззубого льва, такого дряхлого и ленивого, что его не боялся даже малыш Апле. Но публика всегда с интересом смотрела на заморскую диковинку, поэтому *дэда* дорожил хищником и кормил его едва ли не лучше людей.

Малыш Апле занимался попрошайничеством. Будучи ребенком, он ничуть не тяготился своим постыдным ремеслом, напротив, выпрашивал деньги с таким артистизмом и удовольствием, что ему, чумазому постреленку с живыми карими глазенками, не могли отказать сердобольные мамыши, и медяки так и сыпались в его залатанную котомку. А за малышом Апле следовал я, внимательно наблюдая за кошельками, из которых добряки вынимали монеты.

Малыша Апле я любил больше других братьев и сестер. Может, потому, что он был внутренне чистым, неиспорченным, несмотря на нашу непотребную жизнь, и вызывал во мне светлые чувства и надежду на лучшее. Но с его смертью все изменилось. Однажды осенним утром он не проснулся...

Глава 2. Мика

Да, вся эта история завертелась тем осенним утром, когда Мика сбежал от строгого Ванзея, учившего его обращению с оружием. Была середина сентября, месяца теплого, безветренного и сухого, когда воздух стоит такой прозрачный и чистый, что хочется пить его большими глотками. Юному Микаэлю, которому недавно минуло десять лет, сразу же после сытного завтрака надлежало спуститься во двор, где его уже поджидал вооруженный палкой учитель, больно лупивший мальчика за ошибки и лень. Но солнце так ласково светило в окно комнатки, расположенной под самой крышей большого крепкого дома, где жил Микаэль вместе с его матерью и единоутробными сестрами Маргарет по прозвищу Хромоножка и Анной с маленьким сынишкой Каем, а издалека, с лужка, на котором меланхолично паслись тучные коровы, так призывно раздавался мальчишечий смех, что Мика не выдержал и решил сбежать.

Крадучись на цыпочках, он бесшумно спустился по скрипучей лестнице, с замиранием сердца ожидая, что какая-нибудь коварная ступенька вот-вот его выдаст, медленно отворил тяжелую дверь ровно настолько, чтобы выскользнуть через образовавшуюся щель наружу, а затем, пригнувшись и тревожно посматривая на двор сквозь редяющие ветви пышного кустарника, обрамлявшего дом по периметру, побежал к дальней калитке, через которую обычно выходили гулять в лес.

Все внутри замирало от смеси страха и азарта, сердце колотилось так быстро, что перехватывало дух, и когда Мика прибежал на луг, то долго не мог отдышаться и ответить на приветствие друзей. В голове мелькнула мысль о том, как будет недоволен отец, чиновник особых поручений при светлейшем канцлере Александр Альтаир, когда узнает о пропущенном уроке, но мысль эта была такой же мимолетной, как дуновение ветерка, скользнувшего по непокрытой голове ребенка.

Дела на лугу шли хорошо, пока не пришел Друи, здоровенный малый, сын местного старосты, с которым у Мики с раннего детства сложилась взаимная неприязнь. Мальчики были ровесниками, но Друи как-то сразу пошел в рост и сейчас был выше Мики на целую голову, что давало ему бесспорное преимущество в драках. А дрались мальчишки каждый раз, как только встречались.

Друи будто постоянно искал повод накинуться на Мику, причем невзирая на то, чьих сторонников рядом было больше. Задира отчаянно завидовал отпрыску, хоть и незаконному, высокопоставленного чиновника. Завидовал, потому что знал – Альтаир сына любит: навещает, пусть и не часто, и обеспечивает всем необходимым. Своего же отца Друи презирал – староста был известным на всю округу беспробудным пьянчугой, которого местные жители давно бы уже отстранили от должности, если бы не жалели его, наплодившего семерых детей и сгинувшего бы в нищете, не будь общинных поручений.

Потому драки происходили не на жизнь, а на смерть, даже не до первой крови, а пока кто-то из взрослых не оттащивал соперников за вихры. Друи бил с таким же ожесточением, с каким его самого каждый раз колотил выпивший отец.

Увидев неприятеля, Мика сразу же пожалел – нет, не о пропущенном уроке, а о том, что так хорошо начавшийся погожий день скоро закончится пренеприятнейшим образом. Внутренне вздохнув, он пообещал себе не вестись на провокации Друи, но, конечно, понимал, что такое обещание бессмысленно.

Друи еще только приближался к лугу, но уже растянул широкий лягушачий рот в издевательской ухмылке и издалека торжествующе прокричал:

– Эй ты, косоглазый!

У Мики в минуты особенно сильных волнений слегка косил правый глаз. Друи знал об этой особенности мальчика и не упускал случая его поддеть.

Мика, насупившись, отвернулся и продолжил строгать палочку для игры в разбойников, хотя понимал, что веселью конец. Его друг Накко, утерев сопливый нос грязным рукавом, негромко посоветовал:

– Не отвечай ему. Может, уйдет.

Мика продолжил свое занятие, исподлобья поглядывая на приближающегося врага. А тот уже многозначительно закатывал рукава выдавшей виды рубашонки, которые и без того были отчаянно коротки для его длиннющих рук. Рядом с Друи шли два сына сельского ткача. В отсутствие драчливого задиры мальчишки спокойно общались с Микой и в ссору не лезли, но сейчас по уверенному виду противника Мика понимал – на их нейтралитет рассчитывать нечего. Оценив вид неприятельских кулаков со сбитыми костяшками, мальчик нахмурился. Казалось, Друи стал еще выше с момента их последней встречи, и под ложечкой тревожно засосало.

На лугу воцарилась тишина, нарушаемая лишь позвякиванием колокольчиков пасущихся коров и их негромким мычанием. Друи неторопливо подошел к ребятам и принялся насмешливо их рассматривать.

– Чего подельваете? – наконец спросил он, сплюнув через дырку в зубах, уже который год зиявшую после одного особенно сильного воспитательного удара отца.

– Да так... – настороженно ответил один из мальчиков. – Может, на речку пойдем.

– На речку, значит... – протянул Друи, обходя по кругу собравшихся. – А мне отец вчера рассказал, – беззаботно начал он, намеренно не глядя на Мику, – что вышел королевский указ.

Мика, чувствуя подвох, еще старательнее погрузился в свое дело и не поднимал глаз.

– А указ, – продолжил Друи, – такой: на речку бастардам ходить запрещается. – Он остановился напротив Мики и посмотрел на него в упор. – Пушай дома сидят под мамкиной юбкой и к честным людям не высовываются.

Цель была достигнута. Мика моментально вспыхнул и затрясся от обиды, сжимая вспотевшими ладонями палку и ножик. Он медленно поднял глаза на Друи и срывающимся от бешенства голосом отчетливо проговорил:

– Да не было такого указа. Это твоему папаше свиньи хрюкнули, когда он в луже пьяным валялся.

Ответ не заставил себя долго ждать. Друи молниеносно выбросил вперед правую руку, но Мика был готов и успел отвести удар, одновременно лягнув соперника по голени. Это стало сигналом к общей драке, в которую все присутствующие на лугу с удовольствием бросились, и уже через пару минут в куче взмывающих вверх кулаков и мелькающих босых ног уже было не разобрать, кто на чьей стороне.

Мика дрался с Друи один на один. И хотя противник превосходил его и ростом, и весом, Мика был проворнее и вскоре удачной подсечкой сбил неприятеля с ног, однако сам тоже не удержался, свалился сверху, и соперники покатались по пологому склону вниз, стараясь даже в перекатке побольнее ударить друг дружку.

Драку остановил звонкий девичий крик: «А ну прекратите!» Мика, в очередной раз оказавшийся над соперником, с неудовольствием заметил прихрамывающую фигурку своей сестры Маргарет, возле которой стоял маленький племянник.

– Что, защитнички подросли? – с издевкой прогундосил в разбитый нос Друи и, пока раздосадованный Мика раздумывал, как быть дальше, воспользовался этой секундной остановкой и подмял соперника под себя. – Слабак, слабак! – расхохотался Друи. – Без женской юбки ни на что не способен! – и плюнул Мике в лицо кровавой слюной.

От полученного оскорбления, от того, что победа ушла из рук в последний момент, от того, что Хромоножка появляется всегда, всегда не вовремя, какая-то пелена застлала Мике глаза. Он инстинктивно нащупал в кармане выстроганную палочку (нож выпал в процессе

драки) и одним быстрым движением со всей ненавистью, на которую только был способен, всадил ее в ягодицу соперника.

Тот взвыл от неожиданной боли и отскочил, извергая страшные ругательства. Мика же, не теряя ни секунды, помчался в лесок, прочь от быстро ковыляющей в его сторону сестры, и как заяц стал петлять между деревьями в поисках укрытия.

Сердце бешено стучало, в ушах шумело, но даже сквозь этот шум он слышал крики Маргарет, которой вторил тонюсеньким голоском Кай. Не разбирая дороги, Мика мчался, все сильнее углубляясь в лес, и неожиданно выскочил на дорогу. Остановившись на мгновение, он попытался отдышаться, как вдруг вдалеке послышался звук приближающихся повозок, и Мик побежал дальше. Зацепившись ногой за мшистый корень, он упал и покатился в овраг, где оказался в куче палой листвы. И тогда он решил, что в этом неожиданном укрытии с дороги его не будет видно, поэтому нагреб вокруг себя побольше листьев и затаился.

Звуки приближающихся повозок становились все громче, уже отчетливо доносился не только стук копыт и поскрипывание колес, но и людские голоса. На какое-то время караван остановился, сердце Мики ухнуло вниз, но потом он понял, что к оврагу никто не идет, и успокоился. Повозки какое-то время постояли, а затем снова тронулись в путь, и вскоре все стихло. Мика решил еще побыть в укрытии, чтобы уж наверняка убедиться, что его никто не обнаружил, но на него навалилась усталость, и, пригревшись в листве, он уснул.

Когда Мика открыл глаза, день уже явственно перевалил за середину. Мальчик испугался, что ему придется ночевать в лесу, и, как бы ему ни хотелось подольше не показываться на глаза матери после случившегося, он поспешил домой.

Поскальзываясь на влажной листве, он кое-как взобрался по склону и вышел к дороге, по которой довольно скоро добрался до развилки, ведущей к деревне. Оттуда путь уже был хорошо известен. Но тем не менее порог дома Мика переступил, когда уже совсем стемнело. Мальчик с виноватым видом и нарастающим чувством страха – непременно влетит! – робко зашел в гостиную.

Там его уже ждали мать и старшая сестра. Мика молчал, не поднимая глаз, переминался с ноги на ногу и пытался отряхнуть грязь и прилипшие травинки с курточки и разорванных штанов. Но когда он наконец посмотрел на мать, услышав ее произнесенный сдавленным голосом вопрос: «Ты где был?», то понял, что произошло что-то гораздо худшее, чем прогул занятия и драка.

После не терпящего возражений указания матери немедленно подняться наверх и привести себя в порядок Мика получил разъяснения от старшей сестры, чье лицо от волнения было покрыто красными пятнами.

Оказывается, пропали Хромоножка и маленький Кай.

Глава 3. Никлаус

В родовом поместье капитана Аллена, особенно в спальне его молодой жены, воцарилась скорбная тишина. Не было уже того радостно-волнительного оживления, охватившего замок еще вчера с началом родов. Прекратился и тревожный громкий шепот, когда всем стало понятно, что появление на свет наследника проходит с большими трудностями. Стихли и секретные пересуды по углам о шансах на сохранение жизни молодой хозяйки.

На замок плотным облаком опустилось безмолвие, не нарушаемое ни криками измученной роженицы, ни спешным топотом слуг, носящихся с горячей водой и чистым бельем, ни уговорами повитухи потерпеть еще чуть-чуть. Не шуршали даже метлами и скребками – в спальне было тихо и чисто, а на прибранном ложе в белой сорочке лежала мертвая Ривва с посеревшим лицом, третья по счету жена капитана Аллена.

Никлаус, тяжело громыхая сапогами по каменной лестнице, медленно поднимался к покоям супруги. Неподвижное лицо его напоминало маску, льдистые голубые глаза смотрели отрешенно, руки со сжатыми кулаками раскачивались в такт размеренным шагам. Слуги, попадавшие ему на пути, не смели поднять взгляд, чтобы случайно не наткнуться на холодные глаза господина. Лишь старая экономка, присев в глубоком реверансе у входа в спальню хозяйки, зачем-то произнесла надтреснутым голосом, указав вглубь комнаты:

– Она там.

Не взглянув на старуху, Никлаус зашел в покои и остановился на некотором расстоянии от постели, устремив беспристрастный взгляд на мертвую жену. Негромко вздохнул, так, что не услышал никто из стоявших за дверью людей, постоял молча с минуту, затем развернулся и направился к выходу.

В дверях его встретила повитуха с младенцем на руках. Аллен мрачно взглянул на синюшное тельце: ребенок был слаб и лишь слегка поддегивал ручонками, выпроставшимися из пеленок.

– Сын, ваша милость, – негромко произнесла женщина.

Новоиспеченный отец кивнул и, обратившись к экономке, скомандовал:

– Распорядитесь насчет похорон. Я возвращаюсь в Веенпарк.

Та немедленно присела в реверансе еще раз.

– Как велите назвать ребенка, милорд? – несмело спросила она.

– Я решу позже, – нахмурился Аллен. – Сообщите мне, если... Если он выживет, – жестко добавил он.

– Прикажете подыскать кормилицу? – не отставала от господина экономка.

Тот в раздражении пожал плечами.

– Делайте все, что считаете нужным, Мириам. Как всегда.

Старуха почувствовала зарождающийся гнев капитана и умолкла, склонившись в поклоне.

Едва перестали доноситься звуки господских шагов, удалявшихся по коридору в направлении кабинета, как Мириам опрометью, насколько ей позволял преклонный возраст, понеслась в людскую. Там ее поджидали кухарка, камеристка покойной хозяйки, молодой конюх и другие слуги.

– Ну что сказал? – с нетерпением спросила кухарка, едва экономка переступила порог комнаты.

– Да ничего особенного, – с разочарованием протянула старуха. – Уезжает в Веенпарк, похоронами заниматься нам, как всегда.

– Хорошо, что с прошлого раза далеко ничего не убрали, – заметила кухарка, утирая пердником пот с толстого лица.

– С прошлых разов, – фыркнув, уточнил конюх.

– Он проклят, он точно проклят, – вытерев слезы, произнесла бывшая камеристка Риввы, дрожащими руками распрямляя насквозь мокрый батистовый платочек.

Повисла тишина. Экономка потеряла сухие морщинистые ладони и, покачав головой, негромко сказала:

– Как тут не поверить в проклятия... За пять лет третья покойница.

– И еще неизвестно, что с младенцем будет, – поддакнула кухарка. – По виду не жилец.

– За хозяина точно никто больше замуж не пойдет, – добавил кто-то из слуг. Все снова смолкли, как только в людскую зашел мажордом.

– Сплетничаете?! – злобно накинулся он на присутствующих.

– Скорбим, – с усмешкой возразил конюх и аппетитно хрустнул яблоком, ловко извлеченным из большой корзины, стоявшей у порога. Мажордом замахнулся на него кожаным хлыстиком, и парень проворно скрылся в дверном проеме.

– А вы что расселись? – продолжил злиться управляющий. – Все дела переделали? А ну за работу, ленивые твари! И прекращайте пустые разговоры. Тебя это в первую очередь касается, Мириам, – он сунул хлыст под нос старухи, отчего та резко отпрянула и стукнулась головой о дверной косяк.

– Сплетни, не сплетни, а когда у господина третья жена умирает, это сложно утаить, – уперев руки в круглые бока, заявила кухарка, ничуть не испугавшись гнева мажордома. – Он проклят, все это знают.

– Не надо было оставлять госпожу Анну, – прокаркала, немного осмелев, старая экономка. – Она должна была стать хозяйкой этого дома. Пусть бы и растили несчастного бастарда, авось, не обеднели бы от лишней тарелки супа. Ее мать, северная ведьма, язычница, прокляла господина. Не будет ему счастья...

Не стерпев таких речей, мажордом все-таки ударил старуху хлыстиком, и та, заскулив от боли, замолчала, обиженно зыркнула на управляющего и пошаркала прочь.

– Работать! – взвыл дворецкий, и слуги нехотя разбрелись по своим делам.

Капитан Аллен, предмет обсуждений прислуги, закрылся в кабинете, где его поджидал боевой товарищ Виктор Осни. Мужчины расположились в креслах у камина и безмолвно пили вино, не глядя друг на друга.

Виктор был ровесником Никлауса, двадцативосьмилетним гвардейцем, командующим взводом в составе батальона Аллена. Они оба участвовали в битве при Веенпарке, сразу же прониклись взаимной симпатией и с тех пор крепко дружили, вместе выполняя воинский долг в самых опасных местах королевства. Они и внешне были похожи: высокий рост, волосы одинакового светлого оттенка и голубые глаза. Но если у Аллена черты лица были тонкие, аристократические, то облик Виктора выдавал простое происхождение: на круглом лице красовался широкий нос с перебитой переносицей, узкий лоб казался еще меньше под нечесаными русыми кудрями, которые, как назло, ничуть не скрывали оттопыренных ушей. В глазах Осни таилась хитринка, разбегающаяся от уголков веселыми лучиками, взгляд же Аллена всегда был сумрачным и тяжелым, исполненным той же силы, что и разящий врагов удар его крепкой руки. Зато мужчины имели одинаково широкие плечи, и в бою их легко можно было перепутать, если бы не знаки воинского отличия на доспехах.

Обычно разговорчивый и смешливый, Виктор молчал, уважая чувства товарища. Он пил вино глоток за глотком, с наслаждением протянув ноги к потрескивающему в камине пламени: после прохладной ночи в замке было зябко.

– Уезжаем в Веенпарк, – наконец нарушил тишину Никлаус.

Виктор пожал плечами, мол, едем так едем.

– А потом?

– А потом на восток, рубить кочевников, – с ожесточением произнес Аллен. – Совсем распоясались, скоты.

Он стиснул кубок так, что побелели костяшки пальцев.

– На похороны не останешься? – констатировал очевидное Виктор, и Никлаус лишь дернул уголком рта. – Пойдут пересуды.

– Да обо мне и так говорят черт знает что! – взорвался Аллен и швырнул кубок в стену, отчего по дубовой панели потекли, как кровь, рубиновые капли вина. – Будто я проклят?! Разве я виноват, что они мрут как мухи?! Лина скончалась от желтухи, но ведь пол-округи тогда слегло. Вторая, эта... – Никлаус щелкнул пальцами, пытаясь вспомнить имя. – В общем, она сама виновата, что в темноте под ноги не смотрела, да и какого черта ее понесло ночью к канаве? И вот теперь еще одна... Помирают бабы в родах – что здесь такого?!

Осни успокоительно похлопал друга по плечу.

– Устал я от этой семейной трагедии, Виктор, – процедил сквозь зубы Аллен. – Будь они сами прокляты, больше не женюсь ни на одной. Война отныне моя единственная супруга и любовница. Едем в Веенпарк, а оттуда на восток. Бальдо мне не откажет.

Гвардеец иронически закатил глаза.

– А как же! Еще пара лет веселой жизни во дворце, и сам герцог не то что на коня, и на королеву не сумеет залезть! – он хохотнул, но Аллен даже не усмехнулся грубой шутке товарища.

– Поехали сейчас же, – сумрачно потребовал он, исподлобья взглянув на Виктора.

– Я готов, – тот махнул рукой и одним большим глотком допил вино.

Не прошло и часа, как сборы завершились. Аллен, Осни и молодой адъютант капитана оседлали коней во дворе замка. Провожать их вышел мажордом, бестолково мельтешащий вокруг и вызывающий раздражение своей суетой. Однако не успели отъезжающие тронуть коней, как, торопливо шаркая, во двор выбежала экономка, призывно взмахивая скрюченными руками.

– Что такое? – нахмурился Аллен, сдерживая пританцовывающего коня.

– Ваша милость, подождите! – задыхаясь от быстрой ходьбы, взмолилась старуха. – Младенец... – она осеклась под ледяным взглядом капитана. – Младенец умер.

Никлаус молчал. Не произнеся ни слова, он подхлестнул коня и, направив его с места в галоп, вскоре исчез в пыльной дали, заставив своих спутников тоже пуститься вскачь.

* * *

Ранней осенью Веенпарк был ослепительно хорош. Еще не зарядили долгие дожди, размывающие по улицам городскую грязь, воздух был свеж, летняя духота давно спала, но еще держалась теплая погода. На рынках столицы бойко шла торговля плодами урожайного лета, народ был беззлобен, беспечен и весел.

Офицеры и адъютант неспешно ехали по улицам столицы, наслаждаясь будничной суетой большого города. Вдруг мимо них на высокой скорости промчался целый поезд из трех экипажей – сплошь дорогие кареты, украшенные королевскими вензелями. Мужчины едва успели отсалютовать проезжающим, как первая из карет внезапно остановилась, а за ней вынужденно затормозили и остальные, чуть не наехав друг на друга. Из заглавного экипажа высунулась рука в шелковой перчатке и нетерпеливо поманила офицеров к окошку.

– Ваше величество, – вежливо склонил голову Никлаус, разглядев в глубине кареты королеву Элеонор.

– Капитан Аллен, – любезно поприветствовала его правительница с нежной улыбкой, освещающей лицо небесной красоты. – Возвращаетесь на службу? Надолго ли в Веенпарке на этот раз?

– Вас очень ждут при дворе, – кокетливо добавила фрейлина королевы, чья ручка в перчатке подозвала мужчин для беседы. – Дамы скучают по вашим мужественным рассказам, – девушка игриво стрельнула глазками в сторону Виктора, который довольно осклабился в ответ.

– Боюсь, что нынче не до рассказов, ваша милость, – поклонился фрейлине Никлаус. – Ваше величество, – он перевел взгляд на королеву, – спешу испросить разрешения у герцога Бальдо отправиться на восток для охраны границ государства.

– Так скоро? – удивилась Элеанор. – Ох уж эти солдаты, вечно вам не сидится на месте. И даже молодая супруга не удержит дома? – она вновь улыбнулась и вдруг что-то вспомнила, слегка наморщив лоб. – Постойте, у вас же вот-вот должен родиться наследник? Оставьте жену в такой час?

– Ривва умерла родами, ваше величество, – отрывисто произнес Никлаус. – И младенец тоже.

Наступило неловкое молчание. Элеанор и Аллен обменялись пронзительными взглядами, как люди, хранящие общую страшную тайну.

– Мы сегодня открываем театр, – наконец вымолвила королева. – Ей бы понравилось.

Никлаус только стиснул зубы, словно не желая понимать, о ком идет речь, но не успел он хоть что-то ответить, как Элеанор, не попрощавшись, звучно скомандовала: «Трогай!», и экипаж мгновенно унесся прочь.

Аллен негромко выругался.

– Быстрей бы убраться подальше отсюда, – произнес он скорее себе, чем своим спутникам.

– Но я бы не прочь сначала перекусить, – хохотнул Виктор. – Заглянем в трактир?

– Нет, сначала к Бальдо, – решил Никлаус. – А ты свободен, – обратился он к адъютанту, и тот с благодарностью откланялся.

Аллен, пришпорив коня, рванул к дворцу с такой скоростью, что едва не сбил попавшихся ему на пути двух крестьян с корзинами, и понесся дальше под возмущенные возгласы прохожих.

Виктор нагнал его у дворца, где по обыкновению толпилось множество прохлаждающихся бездельников из числа дальних родственников королевских особ в надежде, что их заметят и облагодетельствуют если не высокой должностью, то хотя бы помощью в решении текущих проблем. Для отсева таких просителей во дворце организовали два кордона из стражников, первый из которых Никлаус и Виктор преодолели с легкостью. Впрочем, и второй, находившийся непосредственно у дверей рабочего кабинета герцога Бальдо, не вызвал у друзей особых затруднений. Стоило им назвать секретарю свои имена, как двери тотчас распахнулись, и мужчины зашли внутрь.

В кабинете было немногочленно. Сам герцог, значительно погрузневший за последние годы от спокойной и сытой жизни, но все еще крепкий и с пронзительным взглядом, сидел за прямоугольным столом красного дерева, на котором в идеальном порядке были разложены бумаги. Рядом на неудобном табурете, придвинутом чересчур близко к торцу стола, тотчас расположился вошедший вместе с Никлаусом и Виктором молодой секретарь с бледным измученным лицом и светлыми, почти бесцветными глазами. У окна стояли двое офицеров. Никлаус и Виктор знали их по службе и обменялись с ними приветственными кивками.

Но главное, что к своему большому неудовольствию заметил Аллен, – за столом прямо напротив Бальдо, не испытывая какого-либо смущения или неудобств, сидел чиновник особых поручений при светлейшем канцлере Александр Альтаир. Несмотря на свое увечье – у порученца не было левой руки – и солидный возраст – около сорока пяти лет, Альтаир пользовался безмерным уважением в солдатской среде и все еще считался хорошим бойцом.

Раньше Аллена и Альтаира связывали крепкие дружеские отношения, но некое событие, произошедшее пять лет назад, оборвало эту дружбу. Потому мужчины избегали возможных встреч во дворце, и теперь, увидев друг друга, одинаково нахмурились, отведя глаза.

– Капитан Аллен, лейтенант Осни, присядьте, – приветливо указал на свободные стулья Бальдо. – Скоро я смогу уделить вам внимание. Продолжайте, господин Альтаир.

– Как я сказал раньше, – глубоким звучным голосом возобновил свою речь важный визитер, – его светлейшество очень плох. Боюсь, нам всем следует ожидать тяжелых вестей в ближайшие дни.

Бальдо придал лицу скорбное выражение, однако не сумел скрыть радостный блеск в глазах.

– В связи с этим перед ее величеством встанет очень важный вопрос – о возможном преемнике его светлейшества.

– Не станем забегать далеко вперед, – откашлявшись, возразил Бальдо. – Мы все молимся Единому Богу о здоровье канцлера. Его светлейшество не стар, не будем терять надежды на его выздоровление.

– Не будем, – согласно кивнул Альтаир. – И тем не менее, даже если канцлер поправится, он исполнен намерения отказаться от должности и уйти на заслуженный покой, передав свои полномочия человеку более крепкому и молодому.

При этих словах Бальдо не смог удержаться от торжествующей улыбки, которую постарался скрыть, сделав большой глоток вина из изящного кубка.

– Это, несомненно, большая потеря для королевства, – произнес герцог, промокнув губы белоснежной салфеткой. – И вы, Александр, правы в том, что о преемнике следует позаботиться уже сейчас. Но кто мог бы стать этим лицом? – картинно недоумевал Бальдо, с преувеличенной озабоченностью нахмурил лоб. – Нам нужен человек зрелый, посвященный в тонкости управления королевством, а главное – надежный.

При этих словах герцог испытующе посмотрел на Альтаира, словно ожидая от него какого-то признания.

– Я, ваше сиятельство, на этот вопрос ответить не могу, – покачал головой Александр, словно не понимая намека своего высокопоставленного собеседника. – Долгие годы я служил на благо Отечества, сначала был простым солдатом, потом исполнял поручения двух канцлеров, и всегда делал это по совести. Но я всего лишь порученец. Решений я никогда не принимал, как, впрочем, не давал и советов. Более того, при оставлении господином Ристером своей высокой должности, по какой бы причине это ни случилось, свои полномочия сложу и я.

При этих словах Бальдо с видимым облегчением вздохнул и, явно повеселев, сделал еще один глоток из кубка.

– Чем же вы займетесь, Альтаир? Неужели превратитесь в затворника в своем поместье?

– Я полагал, что мой военный опыт мог бы еще пригодиться. Если бы ваше сиятельство доверили мне возглавить гарнизон на северных рубежах королевства, думаю, я бы еще послужил стране.

– Недалеко от Тройве? – насмешливо уточнил Бальдо.

– Совершенно верно, – кивнул Альтаир, не отреагировав на насмешку. – Мой старший сын примкнул бы там к рядам кавалеристов под моим присмотром. Кроме того, в тех местах у меня есть и другие обязательства.

При этих словах Альтаир метнул холодный взгляд в Никлауса.

– Что ж, – пожал плечами Бальдо, – возражать не стану. Секретарь подготовит необходимые документы, и можете отправляться.

– Когда изволите выезжать? – робко вмешался в разговор секретарь.

– Хочу проститься с его светлейшеством. А больше меня в столице ничто не держит, – кратко пояснил Альтаир.

– Вот и чудесно, – широко улыбнулся Бальдо. – Что-то еще?

– Не смею вас больше задерживать, – церемонно ответил порученец.

– Тогда передавайте его светлейшеству пожелания скорейшего выздоровления, – любезно произнес Бальдо. – Прощайте.

Он поднялся из-за стола, отчего стало заметно, как туго натянулся на его животе полузастегнутый камзол.

Альтаир почтительно поклонился, дружески отсалютовал офицерам, стоявшим у окна, и вышел из кабинета, не удостоив Никлауса даже сухого кивка.

– Стало быть, по-прежнему вражда? – насмешливо заметил Бальдо, едва за Альтаиром захлопнулась дверь.

Аллен промолчал.

– А ведь она ему даже не родственница, так ведь? – продолжал герцог, словно не замечая, как Никлаус в ярости заливается краской. – Дочь любовницы? А может, он и сам на нее виды имел?

– Анна ему как родная, – примирительно вмешался Виктор, увидев, что Аллен сжал кулаки до побелевших костяшек. – Он желал ей лучшей участи.

Офицеры, стоявшие у окна, с любопытством прислушивались к разговору.

– Вы про Анну Мельнер? – спросил один из них. Никлаус не выдержал.

– Хватит! – грозно рявкнул он, бешено сверкая глазами. – Это главная проблема, которую мы должны обсудить? В королевстве нет других вопросов, вызывающих интерес на самом высоком уровне?

– Ну все, все, – Бальдо подошел к Аллену и примирительно похлопал его по плечу. – Не горячитесь, друг мой. Признаю, я перегнул палку. Нам всем действительно давно пора позабыть об этой девушке. Я даже, откровенно говоря, не имею и отдаленного представления о том, где она и чем сейчас занимается. Приглашаю всех присутствующих посмотреть вот на что.

Герцог широким жестом указал на бумаги, аккуратно разложенные на столе. Посетители подошли поближе, и Никлаус, вытерев пот со лба, последовал за другими.

Все устремили взгляды на искусно изготовленные чертежи артиллерийских орудий, с похвальной детальностью изображавшие во всевозможных ракурсах несколько пушек разного размера и калибра.

– Вот они, мои красавицы, – с гордостью произнес Бальдо. – Любуйтесь, господа! Как вам такое снаряжение королевской армии?

– Выглядит солидно, – признал один из офицеров. – Во всяком случае, на бумаге.

Бальдо торжествующе рассмеялся и вновь пригубил из кубка.

– Скоро вам представится возможность насладиться их видом воочию!

– Я слышал, что королевские оружейники трудятся над чем-то необычным, – осторожно сказал Осни. – Слухи ходили еще год назад.

– И эти слухи были абсолютной правдой! – согласился Бальдо, указывая на чертеж одной из пушек. – Завтра, друзья мои, уже завтра лучшие работники придворной мастерской продемонстрируют нам это чудо тридцатифунтового калибра. Как вам, а, Аллен?

– Внушительно, – сухо ответил капитан, еще не простивший герцогу насмешек в свой адрес.

– И совсем скоро таких пушек у нас будет вдоволь, – удовлетворенно протянул Бальдо, не обращая внимания на недовольный вид Аллена. – Кто-то же должен думать о совершенствовании нашего вооружения, пока остальные занимаются театром, – последнее слово он произнес с нарочитым презрением. – Как будто в стране нет проблем больше, чем у этих бездельников-актеришек, для которых решили построить целый дворец! Пейрод так и мечтает отхватить у нас порядочный кусок с запада, но это никого не волнует! – Бальдо и сам начал заводиться от собственной пламенной речи. – На юге республиканцы притихли – думаете, надолго? Вы

слышали, Осни, про пожары в деревнях восточнее Мавлета? Никто не верит в их естественное происхождение. Дружба с северянами держится на дедовских договорах о помощи, о которых эти варвары сразу же забудут, предложи им хоть кто-то сделку полакомее. Я уж молчу про восток, где мои люди страдают от постоянных набегов кочевников. Кстати, Аллен, я отошлю вас туда сразу же после смотра, – отвлекся от основной темы Бальдо.

Никлаус склонил голову в знак подчинения.

– И в этой сложнейшей обстановке, едва королевство начало оправляться после всех бед, обрушившихся на нас за последние годы, мы строим балаган! – герцог мученически возвел глаза вверх, но тут же поперхнулся слюной, закашлялся и был вынужден снова сделать глоток вина.

– Одним словом, господа, – резюмировал он, довольно наблюдая за тем, как собравшиеся рассматривают чертежи. – Я готов к смотру хоть сей же час. Но, как вам известно, ее величество открывает театр, – со смесью досады и презрения объяснил Бальдо, – и не сможет присутствовать на зрелище. Завтра же ей не отвертеться, – довольно непочтительно добавил он. – Так что прошу всех на внутреннюю дворцовую площадь в 11 часов. И ни минутой позже, Аллен! – сказал Бальдо так, как будто Никлаус был занятым прогульщиком и любителем опаздывать.

Капитан поклонился.

– Теперь можете идти, – потирая руки, разрешил герцог. – Мне не терпится наведаться в оружейную мастерскую, чтобы лично убедиться в том, что подготовка к смотру идет надлежащим образом.

На том и разошлись. Аллен и Осни отправились в свои квартиры, где оба заснули глубоким сном, едва коснувшись головой подушки.

Глава 4. Трегор-дин

Я сразу догадался, что на уме у *дэды*, как только хромая девушка, державшая мальчика за руку, показалась из-за деревьев на лесной дороге, по которой мы неспешно ехали, направляясь в следующую деревню.

Смерть малыша Апле не только принесла большое горе в нашу общину, но и лишила *дэду* доходов от попрошайничества. Ему требовался новый ребенок с большими жалостливыми глазами и ангельским личиком, который мог бы выпрашивать подаяние, пока циркачи выступают с трюками. *Дэда* никого не посвящал в свои планы, но они и так были понятны по задумчивости, окутавшей его жесткое суровое лицо.

Нзари сильно переживала из-за потери малыша Апле. Он был самым маленьким из всех, кого в общине было принято считать ее детьми. Я подсмотрел однажды, как матушка, разгоряченная от готовки и жаркой летней погоды, слегка размотала шарф, обычно плотно повязанный на ее голове и прикрывавший от ненужных взглядов пышную грудь. На смуглой коже отчетливо белело множество шрамов, как будто от неглубоких порезов. Их было больше десятка, но точное количество я не сумел сосчитать, потому что застыл, пораженный увиденным. Нзари, перехватив мой изумленный взгляд, печально покачала головой и, неспешно поправив шарф, тихо пояснила:

– Эти следы оставляет смерть после того, как забирает моих детей.

– Сколько же их было, матушка? – не утаив ужаса в голосе, спросил я.

Вместо ответа Нзари затянула грустную песню на незнакомом языке, а из ее глаз полились слезы. Вслед за ней заплакал и я. Мы сидели обнявшись, пока не закончилась песня. Я не сомневался, что после ухода малыша Апле на груди Нзари появится еще один шрам, но об этом никто не узнает. Матушка лишь понадежнее закрепит шарф и будет отводить покрасневшие глаза от прямых взглядов.

Поэтому, когда я увидел девушку, а точнее – робко прижавшегося к ней маленького мальчика с буйными рыжими волосами и пронзительными зелеными глазами, в моей душе возникло дурное предчувствие.

Дэда велел каравану остановиться, спрыгнул с облучка своей кибитки и подошел к девушке. Его походка напомнила мне пружинистую поступь тигра, которого мы как-то мельком видели на горной тропе далеко на востоке. Он любезно поприветствовал незнакомку и спросил, что привело ее на глухую лесную дорогу вдаль от деревни. Та настороженно ответила, что ищет младшего брата, который убежал от нее, и спросила, не видел ли он мальчишку. Сердце мое сжалось в тоске; мне казалось, что я уже видел победный блеск в глазах *дэды*, когда он ответил, что да, видел и с удовольствием покажет, куда устремился беглец.

О, если бы мне тогда достало сил и смелости воспрепятствовать коварному плану *дэды*, я предотвратил бы многие лишения и горести Маргарет и маленького Кая. Но, увы, я был всего лишь щуплым пятнадцатилетним подростком, до дрожи в ногах боявшимся *дэду*, и мне оставалось только наблюдать за происходящим, притаившись на крыше моей кибитки. Впрочем, кое на что мне все же хватило решимости, и Маргарет навсегда осталась за это благодарна.

Дэда указал девушке направление и предложил немного проводить. Но стоило Маргарет согласиться и опрометчиво повернуться к нему спиной, как тот сильно ударил ее тяжелым кнутовищем по затылку, и несчастная упала без памяти. Тут же по сигналу *дэды* силач Ширу спрыгнул с повозки, схватил брыкающегося мальчишку и потащил в кибитку.

– Поехали, поехали! – громогласно поторопил *дэда* возниц. – Скорее, прибавьте ходу!

Тут же все наблюдавшие за происходящим скрылись в повозках, а возницы едва ли не одновременно хлестнули лошадей.

Но вот беда – один из жеребцов заартачился и ни в какую не хотел продолжать путь. Он стоял, дрожа вздутыми боками и пуская пену, а его кибитка перегородила узкую дорогу так, что другим не было возможности проехать.

Старый Жейру испуганно косился на *дэду*, свесившегося со своего места, чтобы увидеть причину задержки, и ласково уговаривал коня сдвинуться с места. Но все впустую – упрямое животное словно превратилось в осла и не желало двигаться.

– Эй, Жейру-кэн, в чем дело? – стали раздаваться со всех сторон недоумевающие возгласы. Дело затягивалось. *Дэда* тревожно посматривал на девушку, по-прежнему лежавшую на обочине в беспамятстве, и наконец спрыгнул и двинулся к Жейру с видом, не сулящим ничего хорошего ни коню, ни вознице. И тогда, по-видимому от отчаяния, старик особенно сильно хлестнул жеребца, тот вскинулся и как ни в чем не бывало тронулся с места.

– Поехали! – с облегчением крикнул Жейру, и караван загудел, заскрипел и отправился дальше по дороге, ведущей на север.

Моя кибитка, как всегда, ехала замыкающей, потому я не торопился слезать с крыши. Наша община была большой, и много времени прошло с того момента, как в движение пришел конец каравана. Пока мы еще не набрали ход, я с жалостью окинул взглядом лежащую в траве девушку. Бедняжка была совсем юной, ее хромота причиняла ей, верно, много страданий. Теперь еще и потеря брата, а то и двух... Во время этих печальных размышлений я вдруг заметил, что незнакомка пошевелилась и немного приподнялась. «Жива!» – обрадованно подумал я, но радость моя тут же исчезла, как только я увидел выражение растерянности и отчаяния на ее хорошеньком личике. Девушка с трудом привстала и что-то крикнула, но ее слова растворились в шуме движущегося каравана. Тогда она подхватила юбки и попыталась бежать за нами, но это ей плохо удавалось. Она кричала, махала руками, но единственное, что смогла, – поравняться с моей кибиткой.

Девушка попыталась зацепиться за гладкие стенки, но караван уже набрал почти полный ход. И тогда я решился – уж не знаю, что за указание свыше сошло на меня, но это решение стало отправной точкой в череде последующих удивительных событий.

Я пролез через окошко, распахнул дверь и подал девушке руку. Незнакомка, не раздумывая ни мгновения, тут же за нее ухватилась. Девушка оказалась нелегкой, несмотря на свой юный возраст и миниатюрный рост, но мне удалось затянуть ее в проем, а дальше она схватилась за косяк, оперлась на подножку и перевалилась внутрь. Я поскорее закрыл дверь, гадая, увидел ли Кейко, управлявший моей кибиткой, а что еще хуже – *дэда*, на какое сумасбродство я пошел.

В кибитке стоял полумрак. Мы оба молчали. Был слышен только скрип колес и стук копыт. Девушка шумно дышала, пытаясь прийти в себя после погони, а я старался рассмотреть ее. Пышные каштановые волосы были сложены в замысловатый узел на затылке, который, наверное, и смягчил удар *дэды*. Темные глаза поблескивали, глядя на меня с недоверием и опаской.

– Меня зовут Трегор, – прервал я наше молчание. – Трегор-дин.

– Зачем вы украли моего племянника? И куда теперь его везете? – выпалила девушка на одном дыхании.

Я немного поразмыслил и начал рассказывать.

* * *

Мы мчали без остановки всю ночь и следующий день – *дэда* пытался увезти малыша как можно дальше от места похищения. Наш караван объезжал все поселения, даже самые маленькие деревеньки, изменил направление с северного на юго-восточное и мчал, мчал, мчал мало-

известными дорогами, пока кони совсем не выдохлись и дальнейшая гонка не стала угрожать серьезными потерями.

Ночь прошла под проливным дождем, моя старая кибитка протекала то тут, то там. Нам с Маргарет пришлось забиться в единственный сухой угол, который, как вы понимаете, и был моим секретным местом за сундуками. Девушка всячески старалась отодвинуться от меня, но в тесноте это было почти невозможно. Выслушав мой сбивчивый рассказ о том, кто мы такие и почему похитили малыша, она не стала высказывать свой гнев, справедливо рассудив, что это бесполезно. Мы долго молчали в крошечной темноте. Постепенно меня начал одолевать сон. Под мерное покачивание кибитки, под стук дождя по деревянной крыше я погрузился в дремоту, периодически чувствуя, как головка девушки падает на мое плечо – совершенно вымотанная от переживаний, уснула и она.

Утром наша быстрая езда продолжалась – мы остановились лишь на несколько минут напоить коней. Я только успел накинуть на Маргарет старую рогожу, как Кейко, просидевший всю ночь под дождем, нетерпеливо забарабанил в дверь и велел мне сменить его, потирая красные глаза и зевая до хруста челюстей.

Несмотря на мои опасения, он не заметил девушку, лег на сундук и мгновенно захрапел. Я, ежась от утренней прохлады, продолжил путь уже в качестве возницы.

Дэда гнал и гнал вперед. Первую по-настоящему длительную стоянку он позволил нам только к вечеру. Мы остановились на лугу в каком-то глухом отдаленном месте, где даже близко не было ни одного села. Все с радостью стали вылезать из своих кибиток, не осмеливаясь роптать.

Вылез и украденный малыш. Его грязное личико было исполосовано следами от слез, он пошатывался от долгой дороги и едва не упал, когда ступил на траву. Нзари тут же взяла его под свою опеку.

– Ах ты, маленький бедный птенчик! Ты, верно, сильно устал и проголодался? – запричитала она. – Иди же сюда, к мамаше Нзари. Дай я вытру твое перепачканное лицо и угощу чем-то вкусеньким.

– Я хочу к маме! – крикнул сиплым от непрерывного плача голоском малыш.

– Мама очень далеко сейчас, мой цыпленочек, – Нзари крепко стиснула его в своих объятиях и стала покачивать, успокаивая. – Ты встретишься с ней позже.

Я знал, что это была ложь, и волна негодования прошла по моему сердцу. Мне показалось, что не рыжий малыш сейчас качается у пышной груди Нзари, а я, пятилетний, которого когда-то тоже насильно забрали от матери и уговорами пытаются успокоить. Я вдруг почувствовал тяжелый мускусный запах, исходящий от Нзари, и вспомнил легкое покалывание ее шарфа, когда щекой касался ее плеча.

– Чего стоишь? – вдруг услышал я грубый окрик *дэды*. – Конь сам себя не распряжет и не напоит.

Он больно ткнул кнутовищем в мое плечо, и я поспешил к своей кибитке, успев заметить, что *дэда* подал Нзари большие овечьи ножницы и велел ей остричь примечательные рыжие кудри малыша.

Кейко выпался и отправился к старшим братьям выкурить трубочку-другую. Пока я занимался конем, дверь кибитки немного приоткрылась, и оттуда осторожно выглянула Маргарет.

– Где мы? – тихо спросила она, шурясь на солнечный свет.

Я пожал плечами.

– Вероятно, уже очень далеко от твоего дома.

Девушка метнула в меня гневный взгляд и прыгнула на траву.

– Куда ты собралась?

– Поговорю с вашим главарем, – это слово резануло меня, будто речь шла о шайке разбойников. Хотя, конечно, Маргарет на тот момент именно так и казалось. – Спрошу, что он потребует, чтобы вернуть нас домой.

– Он не отпустит, – покачал я головой. – Ему нужен малыш.

– Я предложу хороший выкуп, – упрямо поджала губы девушка.

– Хороший? – я с недоверием осмотрел ее простое платье. – У тебя богатый отец?

– Мой отец давно умер, – вздернув носик, ответила она.

– Тогда, возможно, малыш – сын богача? – насмешливо уточнил я.

– Нет... – растерянно призналась девушка. – Но господин Альтаир...

– Тогда с чего ты решила, что *дэда* согласится на твои пустые обещания? – рассмеялся я, закончив, наконец, распрягать лошадь. – Ему нужен ребенок, а не бесполезная болтовня смазливой девицы. Я не уверен, что ты ему хоть на что-то сгодишься. Молись своим богам, чтобы тебя оставили в живых.

Лицо девушки вспыхнуло от обиды, но, помолчав немного, она все равно двинулась к костру, туда, где виднелась невысокая фигура *дэды*.

– Постой! Ты что, глухая? – разволновался я. – Ты не слышала, что я сказал? Тебе лучше спрятаться и не показываться ему на глаза хотя бы пару дней!

Но Маргарет, прихрамывая, пошла дальше, и я с тревогой направился за ней.

Как только малыш увидел девушку, приблизившуюся к костру, он тотчас же отпихнул Нзари маленькими пухлыми кулачками и, ловко вывернувшись из ее объятий, опрометью бросился к Маргарет. Та подхватила его на руки и крепко прижала к себе. Брови Нзари от удивления поползли вверх, а на обычно беспристрастном лице *дэды* отразилось разочарование.

– Ты как здесь очутилась, дочка? – в изумлении спросила девушку Нзари.

– Не важно, как это произошло. Важно то, что сейчас я забираю Кая и мы возвращаемся домой, – твердо произнесла Маргарет, глядя прямо в лицо *дэде*.

Нзари перевела взгляд на *дэду*, который невозмутимо попыхивал трубкой.

– Чего вы от нас хотите? – не дождавшись ответа, спросила Маргарет. – Вам нужны деньги? Скажите сколько. Наша семья не великого достатка, но мы соберем, сколько нужно. Если вы не верите на слово, я могу составить расписку.

Дэда по-прежнему хранил молчание, разглядывая незваную гостью.

– Нас уже ищут, я уверена. И, несмотря на тот путь, который вы преодолели за все это время, нас обязательно найдут. За кражу детей полагается виселица, вы знаете об этом? Так что лучше отпустите нас по доброй воле, и вас щедро наградят.

– Ну что ж... – наконец вымолвил *дэда*. – Выкуп, конечно, дело хорошее. Община у нас большая, денег всегда не хватает. Но ты права, мы уехали уже так далеко... – он вытащил трубку изо рта и черенком описал по воздуху широкий круг. – Вблизи нет ни души. Куда вы сейчас пойдете на ночь глядя?..

Девушка только крепче прижала к себе мальчика.

– Расписка тоже дело хорошее, – *дэда* пустил затейливое колечко дыма, неспешно поднимавшееся вверх в безветренном теплом воздухе. – Но никто из нас не умеет читать по-вашему, – он пожал плечами. – Кто знает, что ты напишешь на этой бумаге? Может, она и приведет меня прямо на виселицу?

– Нет, я не обманываю... – попыталась возразить Маргарет, но *дэда* резко оборвал ее.

– Не нужны мне бумажки. Если ты и вправду можешь выкупить ваши жизни, в первом же городке мы отпустим тебя. Но только тебя, – он указал на нее трубкой. – Ребенок останется с нами до тех пор, пока ты не привезешь деньги. Я все сказал.

Маргарет прижала к себе стриженую голову малыша. На ее глазах заблестели слезы, но она не осмелилась больше возражать, тем более что *дэда* уже демонстративно отвернулся и заговорил со старшими братьями.

Нзари сочувственно посмотрела на девушку.

– Иди сюда, дочка. Оставь малыша, помоги мне с ужином, – ласково предложила она.

– Я вам не дочка, – с вызовом выпалила Маргарет и с Каем на руках похромала к моей кибитке. На глазах ее блеснули слезы.

Нзари молча посмотрела ей вслед. Затем она достала из мешка вилок капусты и стала ловко рубить его, затянув шутивную песню.

Когда совсем стемнело, разожгли еще несколько костров, и вся община собралась на ужин. Маргарет с Каем не выходили из кибитки, но *дэда* никого не посылал за ними. Когда трапеза была закончена и мужчины сели отдельно, раскурив трубки, Нзари тихонько подозвала меня и подала небольшую глиняную миску с похлебкой и пару кусочков хлеба.

– Трегор-дин, сыночек, отнеси этой упрямице. Скажи, что если она и впредь будет так себя вести, до города они не доедут.

Эти слова подействовали на Маргарет отрезвляюще. Она без колебаний приняла еду и отдала ее Каю, который с жадностью накинулся на похлебку. Себе она оставила только кусочек хлеба.

– Нзари – добрая женщина, зря ты с ней так, – упрекнул я девушку, забирая пустую миску.

– А как, по-твоему, мне с вами обращаться? – с горечью в голосе возразила она, глядя головку племянника, подстриженную неровными клочками.

– С осторожностью, сестрица, – посоветовал я ей. – С осторожностью.

Но моему предостережению Маргарет, к сожалению, не вняла, в чем на следующий же день ей пришлось горько раскаяться.

Глава 5. Ольга

Версию, что Хромоножка и Кай просто заблудились в лесу, отбрасывать не стали, но и в качестве основной не рассматривали. Маргарет всегда была осторожна, особенно когда гуляла с племянником, да и хромота не позволила бы ей уйти далеко. Не найдя Мику в окрестностях, она, скорее всего, вернулась бы за подмогой и уж точно не потащила бы за собой малыша.

Подумали, что они могли выйти через лес в деревню. Старый Грижмор по возвращении Мики немедленно съездил туда, но вернулся ни с чем: Маргарет и Кая в деревне не было, люди ничего не знали.

Анна предложила опросить детей, участвовавших в драке, но мальчишки единогласно твердили только то, что Мика убежал при появлении сестры, а та с малышом пошла за ним в направлении леса. Друи, весьма нагло державший себя со взрослыми, с вызовом заявил, что ничего рассказывать не станет, хотя мог бы.

Ольга с Анной переглянулись.

– Друи, если ты что-то знаешь, важно сообщить это прямо сейчас. Каждая минута дорога, понимаешь? Уже темно, ночи становятся холодными. Нам очень нужно найти Маргарет и Кая как можно раньше, – старалась убедить мальчика Ольга. – Если ты что-то видел, может, самую мелочь, скажи нам. Вдруг ты сможешь помочь?

– А если я не хочу вам помогать? – зло произнес в ответ упрямец. Женщины опешили от столь неприкрытой ненависти, сквозившей в его словах. – Пусть *он* извинится передо мной и попросит прощения, – продолжал маленький наглец, – и тогда я вам, может быть, что-то и расскажу.

Мика, подслушивавший разговор на лестнице, тут же выкрикнул, не стерпев обиды:

– Да врет он все! Ничего он не видел и не знает! Он просто хочет меня унижить!

Анна попыталась сказать что-то резкое Друи, но Ольга ее остановила.

– Послушай меня хорошенько, юноша, – женщина присела на ручку кресла перед мальчиком так, чтобы смотреть ему прямо в глаза. – Представь, что все мы каждый день ступаем по очень скользкой дорожке вдоль грязной глубокой ямы. И каждый наш плохой поступок тянет нас вниз. Вот так, все ниже и ниже. Каждый плохой поступок, – подчеркнула Ольга, и Друи, не выдержав взгляда ее строгих серых глаз, опустил голову. – Однажды ты обнаружишь, что идешь уже не по дороге, а по колено в грязи, которая засасывает тебя все глубже и глубже, на самое дно. Ты хотел бы выбраться, но грязь такая липкая и тяжелая, что ты не можешь даже вытянуть из нее ногу. А там, где-то наверху, – махнула в потолок женщина, – идут твои друзья. Девушки, красивые, ладные, смеются и приветливо машут тебе руками. Кто-то, может, и соскальзывает, но тут же поднимается. А ты по-прежнему по колено в грязи... Все мы совершаем ошибки, Друи. Но вовремя подняться, вернуться на дорогу нам помогают хорошие, добрые поступки. Помоги нам. Не оставь себя в грязной яме, а беззащитную девушку и ребенка – без помощи, в которой они так нуждаются.

Друи медленно оторвал взгляд от пола и посмотрел на Ольгу, о чем-то размышляя.

– Хорошо, я вам расскажу, – неожиданно согласился мальчишка. – И без всяких извинений.

Женщины обратились во внимание.

– Я видел мужчину в широкополой шляпе и карлика с ним. Когда Хромо... Маргарет и малец пошли в лес, эти двое двинулись за ними. А потом, ближе к вечеру, я видел эту парочку на дороге в Кинлеж.

– Мужчина в шляпе и карлик? – переспросила Анна в состоянии, близком к обмороку. Ольга с тревогой схватила Друи за руку, но он тут же выдернул ее.

– Ты уверен в том, что говоришь? – уточнила женщина.

– Уверен, – упрямо повторил мальчишка. – Мужик в здоровенной красной шляпе и карлик с ним. С виду бродяги, в потрепанной одежде. Больше я ничего не знаю. Хотите спросить их – ищите в Кинлеже.

– Он все врет! – с лестницы прокричал Мика. – Это наглая ложь, не было там никакого мужика с карликом! Там проезжали повозки!

– Откуда тебе знать? – презрительно парировал Друи. – Ты же трусливо сбежал! Теперь я могу идти? – дерзко спросил он у Ольги.

– Да, конечно, иди. Ты нам очень помог, – хозяйка дома поднялась и указала на дверь. – Спасибо тебе.

Друи как ветром сдуло, а женщины обменялись обеспокоенными взглядами.

– Опять мужчина в шляпе и карлик, – прошептала Анна. – Мне страшно думать, что это действительно так.

– Он все сочинил! – продолжал гнуть свое Мика.

– Может быть, но мы не можем игнорировать его свидетельство, – покачала головой Ольга.

– Эту страшилку знают все деревенские мальчишки! – возразил Мика. – После того как в Бринте нашли убитую девушку, а потом еще одну – в Тройве, все только и судачат, что об этой парочке. Друи просто хотел заставить меня извиниться, а когда понял, что ничего не выйдет, сказал первое, что взбрело в голову.

– Как бы то ни было, мы обязаны проверить его слова, – решительно прошлась по комнате Ольга. – Сделаем так: я с Грижмором поеду в Кинлеж. А вы оставайтесь здесь и ждите Альтаира. Я велела посыльному гнать как можно скорее и не экономить на расходах. Думаю, через два-три дня он приедет.

– Нет, мама, я не смогу сидеть здесь без дела! – с отчаянием вскричала Анна. – Пропал мой сын!

– И мой внук, – мягко возразила Ольга. – А еще моя дочь.

Она ласково поцеловала Анну в макушку и обняла ее.

– Кто-то должен оставаться дома – на случай, если они все-таки вернуться сами, – добавила она, вытерев слезы, бурно покотившиеся по щекам старшей дочери. – Собери завтра деревенских и пойдите прочесывать лес. Авось, найдутся наши пропащие.

– О, мама! – с тоской заломила руки Анна, но добавить больше ничего не смогла: она понимала, что мать рассуждала здраво.

Ольга еще раз крепко обняла дочь и отправилась собираться в дорогу. Не прошло и часа, как женщина, облаченная в простую холщовую рубаху, шерстяную тунику до колен и кожаные штаны, одела сверху неприметный темно-серый плащ и покинула поместье в сопровождении Грижмора. Они оседлали лошадей и, вооружившись ручными фонарями, отправились по тропе, ведущей на север.

Ночь выдалась безлунная, небо плотно заволочло облаками, не предвещавшими ничего хорошего. Поднялся ветер, начало моросить.

– Если дождь разойдется, нам придется вернуться или остановиться на ночлег в лесу, – растерянно вымолвил Грижмор, поравнявшись с хозяйкой. – Темнота хоть глаз выколи, дорогу скоро совсем не сможем разобрать.

– Едем, пока получается, – твердо ответила Ольга. – Нет мне пути назад, если не разузнаю хоть что-то о Маргарет и Кае. Или хотя бы об этой странной парочке. Плохо, что паршивец Друи раньше не признался.

– Да врет он все, госпожа! – убежденно произнес старик.

– А если нет? – задумчиво возразила Ольга. – Ты простишь себе, что мы не продолжили поиски в темноте, если есть хоть один шанс, что мальчишка говорил правду?

Грижмор виновато опустил голову.

Погода между тем все ухудшалась. Дождь усилился, тусклые огоньки в фонарях помигивали, грозя погаснуть в любой момент и оставить путников в крошечной тьме. Вскоре тропа, которая вела от поместья на север, в Кинлеж, свернула влево и объединилась с лесной дорогой. Ольга и Грижмор оказались под защитой деревьев, где непогода чуть умерила свою ярость.

Вдруг Ольга припала к шее коня и стала внимательно смотреть под ноги.

– Похоже, что здесь недавно проезжали груженные телеги, – она спешила и поднесла фонарь как можно ближе к земле. – Колеи многочисленные и глубокие, но уже довольно сильно размытые дождем. Мика упоминал повозки. В деревне ничего не говорили об этом?

– Нет, госпожа, – отрицательно покачал головой Грижмор, – лесной дорогой жители пользоваться не любят, предпочитают ехать мимо поместья. Так что даже если тут кто и проедет, то местным и невдомек.

– Посмотрим, что будет дальше, – нахмурившись, решила Ольга.

А дальше было совсем плохо. Пока пробирались по лесу, дождь не так досаждал путникам, но стоило им выехать из-под спасительных кроны деревьев, как ненастье обрушилось на них со всей силой. Ветер мгновенно задул фонарь у Ольги и сорвал шляпу с Грижмора, вода полилась стеной. Кони оскальзывались на дороге, превратившейся в грязь, и скоро стало понятно – путь продолжать невозможно.

На счастье путников вскоре показалась заброшенная избушка с прохудившейся крышей и пустыми окнами. Грижмор с радостью направил туда свою лошаденку, Ольга с неохотой последовала за ним.

Внутри было пусто, сквозь дыры в крыше то тут, то там сочилась вода, но в целом было сухо. Удалось даже развести огонь в очаге, выломав для этой цели остатки двери.

– Тут недавно кто-то был, – заметил Грижмор, наклоняясь над очагом. – Угли уже едва теплые, но все же помогли кому-то с ужином.

– Но почему же этот человек не остался здесь на ночлег, а предпочел отправиться в путь в темноте и под дождем? – озадаченно спросила Ольга, рассеянно наблюдая за тем, как суетится старик.

Грижмор не скрывал своей радости из-за вынужденной остановки, и женщина не могла его в этом винить. Верный слуга совсем постарел, подумала она с легкой грустью. Впрочем, и над ней годы постепенно берут свое – разве раньше осенний дождь стал бы для нее преградой? Ольга невольно погрузилась в воспоминания о случае, когда ее заклинания остановили непогоду, грозящую неминуемой гибелью всей семье. Но то ли она израсходовала все свои возможности в тот страшный момент, то ли в ней, Ольге, что-то сильно изменилось с той поры, однако больше она уже не могла проявить власть над погодой, сколько ни пыталась.

Поэтому женщине ничего не оставалось, как придвинуться ближе к весело потрескивающему пламени и с благодарностью принять от Грижмора флягу с разбавленным вином.

Старик разомлел от тепла и, торопливо надкусывая лепешку с сыром, пустился в рассуждения о предстоящих осенних хлопотах в хозяйстве. Рассеянно слушая его неспешные слова, Ольга почувствовала, что тревога слегка ее отпустила, и она позволила мыслям разбрестись, перескакивая с одного на другое и не думая конкретно ни о чем.

Грижмор между тем вышел из избы по нужде, и Ольга прикрыла глаза, погрузившись в легкую дремоту. «Они просто заблудились, – мелькнула успокаивающая мысль, – завтра мы их обязательно найдем».

Вдруг она услышала неровный топот старика и его дребезжащий взволнованный голос:

– Госпожа!

Дремота мигом слетела с Ольги, уступив место дурному предчувствию.

– Госпожа! – повторил Грижмор и, не удержавшись на ослабевших ногах, упал на колени. – Там... мертвый ребенок! – и он указал в темнеющий проем скрюченным пальцем.

Внутри все оборвалось. Голова закружилась, дыхание замерло. Ольга метнулась было в направлении, указанном стариком, но потом сообразила, что надо найти фонарь, и какое-то время бестолково топталась в поисках огня. Затем, встряхнув головой и усилием воли взяв себя в руки, женщина подняла на ноги Грижмора, и они вышли из избы, оскальзываясь на неровной тропинке. Дождь почти прекратился, но Ольге показалось, что наступил сильный холод – ее колотило, будто в ознобе.

– Здесь, здесь, – причитая, указал куда-то в сторону старик, и Ольга, обмирая от ужаса, увидела маленькое тельце, лежащее ничком. Сваявшиеся кудрявые волосы, кожаный дублет, страшно раздувшаяся ножка багрового цвета.

Фонарь в руках Ольги заходил ходуном. Она ловила ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег, и долго не могла решиться перевернуть тело.

Наконец, невероятным усилием заставив себя прикоснуться к находке, женщина рывком дернула тело на себя и шумно выдохнула. На нее мертвыми глазами глянуло уродливое лицо взрослого мужчины.

Это был карлик.

Глава 6. Альтаир

Альтаир решил не откладывать визит к канцлеру и следующим утром сразу после завтрака отправился в поместье светлейшего.

Конец сентября в окрестностях Веепарка был прекрасен. Альтаир ехал не торопясь, полной грудью вдыхая чистый воздух, наполненный запахом листвы, мха, влажной древесины и грибов. По дороге туда-сюда сновали деревенские жители, часто встречались тяжело груженные возы, наполненные доверху яблоками и грушами. Сладкий фруктовый аромат маняще дразнил ноздри. В деловитых и сосредоточенных лицах крестьян не было ни капли злобы – лето проявило доброту к труженикам, и теплая осень сулила щедрый урожай и сытую зиму.

Мысли Альтаира были неспешными, под стать его спокойной езде. Он с облегчением подумал о том, что визит в королевский дворец остался позади, и, вероятнее всего, порученец никогда больше не окажется в его стенах. Хотелось скорее отправиться на север. Служба в гарнизоне казалась делом важным, близким его, бывшего солдата, сердцу. А главное – означала возможность неотрывно находиться рядом с семьей. С настоящей, любимой семьей – Ольгой, чудесной, желанной даже спустя годы, ее дочерьми, которых Альтаир воспринимал как родных, и с непослушным, но удивительным младшим сыном Микаэлем.

Старшего сына от законной жены, названного Александром в честь отца, Альтаир решил забрать с собой. Юноша, которому этим летом минуло шестнадцать, давно просился на военную службу.

Одно лишь тревожило Альтаира и наполняло его сердце глубокой печалью – болезнь светлейшего канцлера. Не было какой-то определенной хвори, которая бы терзала старого Кая Ристера в данный момент. Скорее, его измученное сторбленное тело устало бороться за жизнь, и некогда могущественный канцлер постепенно угасал.

В поместье его светлейшества было тихо и спокойно. Самого канцлера Альтаир заметил еще издали, на подъезде к дому. Старик сидел в большом деревянном кресле на песчаной площадке у входа и, подставив морщинистое лицо солнечному свету, дремал. Негромкий топот коня не потревожил Ристера. Порученец, спешившись, осторожно приблизился к своему господину и легонько похлопал его по плечу.

Канцлер медленно разлепил набрякшие веки и подслеповатыми глазами присмотрелся к гостю.

– А, это ты, – обрадовался он, хриплым кашлем прочистив горло.

Из двери выглянул встревоженный мажордом, но, узнав Альтаира, вежливо ему поклонился.

– Ваше светлейшество, – почтительно кивнул порученец. Канцлер усмехнулся обращению.

– Еще светлейшество? – спросил он, намекая на разговор с Бальдо. – Был у герцога?

– Был, – подтвердил Альтаир, принимая из рук спешно выбежавшего слуги небольшой, крепко сколоченный табурет и усаживаясь рядом с канцлером.

– И что он? Уже закатил пирушку по случаю вновь приобретенной должности?

– Не скрывал своей радости, – признал Альтаир.

– Знаю, знаю... – прохрипел Ристер. Он снова закашлялся. Кашель был долгим и мучительным, после него старик никак не мог отдышаться. Его легкие, всю жизнь пребывавшие в сдавленном состоянии из-за скрюченной спины, уже не обеспечивали тело кислородом в нужном объеме.

– Долго же он ждал... – наконец произнес канцлер. – Мои указания всегда были ему поперек горла.

– Подождал бы еще, – недовольно заметил Альтаир, – но ему не терпится ввязаться в новую войну.

– Кочевники? – старик живо глянул на гостя.

– Они самые. Герцог имеет многочисленные угодья на восточной окраине и устал от жалоб своих управляющих на убытки, которые причиняют нападения кочевников.

– Лучше бы он нанял честного счетовода, глядишь, и убытки сократились бы в несколько раз, – засмеялся канцлер, но снова закашлялся. Лицо его побагровело от натуги, и Альтаир забеспокоился, но из замка уже выбежал слуга с кружкой теплого молока. От питья Ристеру полегчало.

– По его указанию в оружейных мастерских готовят какие-то новые игрушки, – терпеливо переждав приступ кашля, начал рассказывать Альтаир. – Пушки, картауны... Якобы по чертежам лучших республиканских мастеров. Если те, конечно, не водят герцога за нос, заламывая несметную цену за мыльные пузыри.

– Людей всему нужно обучить, – просипел надсаженным голосом канцлер. – Мало изготовить, нужно знать, как пользоваться орудием.

– К счастью, это уже не наша с вами задача, – Альтаир коснулся сухой руки, покрытой тонкой, словно пергаментная бумага, кожей.

– Так, стало быть, я уже не светлейшество? – Ристер положил свободную руку поверх руки Альтаира.

– И мы больше не господин и слуга, – печально улыбнулся тот.

– Что ж... – старик помолчал. – Мне всегда хотелось, чтобы мы были просто друзьями. И вот это время настало. Ведь я могу так считать после всех лет, совместно проведенных в службе на благо королевства?

– Почту за честь, – искренне ответил Альтаир.

Канцлер удовлетворенно кивнул и прикрыл веки, словно утомившись от разговора.

Какое-то время они молчали. Альтаиру стало казаться, что Ристер снова погрузился в дремоту, но тот вскоре открыл глаза.

– В последнее время я часто вспоминаю детство, – неожиданно промолвил старик. – Конечно, я мало что помню отчетливо, скорее, это просто обрывки и некие ощущения... Но точно такие же теплые осенние дни мне вспоминаются чаще других. И мои деревенские друзья, озорные мальчишки. Наверное, сейчас они стали такими же дряхлыми стариками, как и я, а может, уже покоятся в могилах... Вижу образ моей дорогой матушки, слышу ее песни, ласковый голос, чувствую нежные руки. Вспоминаю пони, подаренного мне на пятилетие. Я не рассказывал, как получил увечье?

Альтаир отрицательно покачал головой.

– Вероятно, этот пони был слишком хорош для меня, – с кривой улыбкой сказал канцлер. – Я упал с него и повредил спину. Долгие месяцы лежал в постели без движения. Матушка горько рыдала надо мной. А вот отца я совсем не помню, – признался Ристер. – Впрочем, все это уже не важно. Тебе, должно быть, совсем ни к чему слушать мои рассказы о людях, давно ушедших в небытие, тем более что и я скоро отправлюсь туда же, – старик слабо улыбнулся и снова прикрыл глаза.

– Я никуда не тороплюсь, – со смехом возразил Альтаир. – Я так много всего выслушивал от вас за эти годы, что могу и еще потерпеть.

Ристер кивнул с довольным видом.

– Провидение свело нас вместе в той деревне... Забыл ее название, – он нахмурил кустистые седые брови, пытаясь вспомнить. – Но я счастлив, что обрел верного друга.

– И я, – согласился Альтаир. – Но не надо... – попытался возразить он, но Ристер не дал ему продолжить.

– Что, похоже на прощание? – пронизательно заметил он.

– Да, – не стал спорить Альтаир.

– Так и есть, мой друг. Езжай к своей милой женщине и живи счастливо – ты это заслужил. Мы больше не увидимся. Мне и вправду недолго осталось.

Альтаир сглотнул ком в горле.

– Я останусь здесь один на один со своими воспоминаниями. Глядишь, воскресу в закоулках памяти наши совместные славные дела, – старик снова улыбнулся. – Передавай мое почтение Ольге и ее девочкам. И твоим сыновьям. А моему маленькому крестнику – мою любовь и обожание, – в голосе Ристера послышалась теплота. – Я стал сентиментален, друг мой. Маленькие дети вызывают во мне бесконечное умиление. Мне жаль, что я не оставил этому миру собственных детей. Но мои крестники меня не подводят, – удовлетворенно заявил он.

– Я вчера видел Никлауса, если уж речь зашла о ваших крестниках, – ровным голосом проговорил Альтаир.

– Просто видел и все? – уточнил Ристер.

– Просто видел.

Старик вздохнул.

– Мне бы хотелось, чтобы вы жили одной большой семьей, Александр, – признался он.

– Этого никогда не случится, – жестко возразил Альтаир.

– Ни о чем я так не сожалею, как о разрыве между Никлаусом и Анной, – покачал головой Ристер. – Они всегда казались идеальной парой. Воплощением самой любви.

– Жаль, меня не было тогда в Веенпарке, – сквозь зубы пробормотал Альтаир.

– Что-что? – не расслышал старик, но гость не стал повторяться. – Впрочем, за свою долгую жизнь я насмотрелся на многие союзы, казавшиеся прочными и долговечными, а на деле... – Ристер покачал головой. – Вот и наша добрая королева кажется вполне счастливой рядом с этим воякой, но это лишь пока дело не дошло до раздела власти. Как она отреагировала на то, что новым канцлером будет Бальдо?

– По правде, я не уверен, что она знает, – смутился Альтаир. – По-хорошему, об этом ей должны сообщить вы, но... – он развел руками.

– Но я уже не поеду в Веенпарк, – закончил фразу Ристер.

– Формально передача власти не состоялась, поскольку подтверждением вашей воли служат только мои слова.

Старик поднял руку, подзывая слугу:

– Эй, кто-нибудь! Подайте мне письменные принадлежности! Полагаю, моего письма с личной печатью будет достаточно ее величеству? – не столько спрашивая, сколько утверждая, произнес он, обратившись к Альтаиру.

– Вполне, – кивнул тот. – Поручите лично доставить королеве?

– Попрошу, – мягко поправил гостя старик. – Отныне никаких поручений, друг мой. Только просьбы.

Слуга принес большую ровную доску, аккуратно разместил ее на коленях Ристера, сверху положил пару листов бумаги, перо и чернильницу. По тому, как привычно он помогал старику, Альтаир догадался, что такая процедура проделывалась неоднократно.

Неровным, но разборчивым почерком Ристер неторопливо начертил подтверждение своей отставки. Пока чернила сохли, слуга сходил за сургучом. Личная печать, как оказалось, была прицеплена к поясу канцлера на тонкой стальной цепочке.

– Ну вот и все, – с некоторой грустью сообщил Ристер под шипение расплавленного сургуча. – Все, Альтаир.

Он поднял глаза на гостя, и его взгляд пронзил Альтаира в самое сердце. Тоска и пустота в глазах старика болью отозвались в его душе.

– Видит Бог, я сделал для королевства все, что было в моих силах, – тихо проговорил Ристер. – Прощай, мой друг. Езжай туда, где тебя любят и ждут. Мне нужно отдохнуть, а потом

уладить кое-какие дела с наследством. Не хочется, чтобы это уютное гнездышко досталось моему омерзительному двоюродному племяннику и его отпрыскам.

Старик пытался шутить, но Альтаир заметил непрошеную слезу в уголке мутного, с красными прожилками глаза. Тогда он опустил на колени перед Ристером и припал к его руке.

– Может, еще свидимся, – сказал порученец, сам не веря своим словам. Слеза покати-лась по морщинистой щеке. Старик положил руку на голову Альтаира, словно благословляя, и молча прикрыл глаза, больше не произнося ни слова.

На обратном пути Альтаира уже не радовало ни осеннее солнце, ни чистый загородный воздух. Им овладели мысли о скоротечности времени, он будто только сейчас осознал, как быстро пролетели десять лет службы у Ристера и что сам он уже немолод. Воспоминания о собственном детстве, о матери, о военной службе и трагической битве при Хеельхайме, о ранении и увечье, о взрыве Великой скалы и наводнении, о многих других делах, приобретениях, потерях – все эти картины вдруг так ярко встали в его памяти, что он ехал очень медленно, пустым взглядом смотря перед собой и ничего не видя. А главное – эта едва заметная слеза на старческом лице как знак бессилия и угасания, эта слеза некогда сильного духом и беспощадного к врагам человека что-то надломила в Альтаире и заставила по-старчески сторбиться.

Он вернулся в Веенпарк, где снимал жилье, когда уже стало темнеть, и только тогда понял, что за целый день, кроме как за завтраком, не ел ничего. Но едва он зашел в свою комнату, как навстречу ему поднялся незнакомый молодой человек, весь в запыленной одежде и с усталым лицом.

– Господин Альтаир, наконец-то я вас дождался! – горячо произнес он.

– Кто вы? – спросил Альтаир.

– Меня зовут Филипп, я из Тройве. Госпожа Ольга послала меня разыскать вас и просила сделать это как можно скорее. Я жду здесь с самого утра – никто не знал, где вы.

– Что случилось? – встревожился порученец.

Юноша протянул письмо от Ольги.

– Пропали госпожа Маргарет и маленький Кай. Госпожа Ольга просит вас как можно быстрее приехать.

Глава 7. Трегор-дин

Наша жизнь постепенно возвращалась в обычное русло, за тем исключением, что *дэда* пока не позволял делать остановки в поселениях. Он несколько расслабился, поняв, что у Маргарет и малыша нет отца, готового отправиться в погоню, но показываться на глаза людей не торопился. Мы по-прежнему колесили заброшенными дорогами, хотя запасы подходили к концу и потребность в публике становилась все ошутимее. Но *дэда* упрямо гнал на юго-восток, подальше от местечка, откуда мы забрали Кая.

Впрочем, Каем малыша звала только Маргарет. Община нарекла его Ильке (Рыжик), и спустя пару дней он начал откликаться на это прозвище, несмотря на явное неудовольствие тети. Присутствие Маргарет успокоило мальчика, он все реже спрашивал про мать и с охотой принимал щедрые ласки Нзари.

Постепенно благодаря веселому нраву он расположил к себе всех членов бродячего цирка. Мои сестры-гимнастки с удовольствием учили его кувыряться и крутить колесо, а силач Вознак высоко подкидывал малыша до тех пор, пока заливающийся хохотом Ильке не начинал икать от восторга и страха. Старый Мирту развлекал мальчика простенькими фокусами вроде исчезновения яйца и внезапного обнаружения его за ухом, и даже бедняга дурачок Мэ, обыкновенно коротавший время в отчуждении, все норовил прикоснуться к малышу и дарил ему то дохлого жука, то обглоданную белками шишку.

Маргарет, напротив, держалась со всеми на расстоянии и подчеркнуто строго. Она открыто выказывала неприязнь общине, за исключением, пожалуй, Нзари. Даже со мной она была холодна и немногословна, а ведь мы делили с ней и Ильке кибитку – больше места в нашем караване для них не нашлось, а малыш наотрез отказался расставаться с теткой на время переездов или на ночь.

У Маргарет и Нзари установилось какое-то молчаливое соглашение, по которому девушка неукоснительно и четко выполняла все поручения матушки, а та в свою очередь ограждала ее от общения с остальными. Помощницей Маргарет была хорошей, работа спорилась в ее нежных руках. Все члены общины утвердились в мысли, что девушка не была из богатой семьи, в которой домашними хлопотами занимается прислуга.

Насколько Ильке был приветлив и мил и тем вызывал всеобщую симпатию, настолько Маргарет, не желавшая идти на контакт с кем-либо, кроме Нзари, настраивала людей против себя.

Первыми разжигать конфликт начали мои сестры. Заметив, что Нзари, жалея хромоногую девушку, не дает ей поручений, требующих уходить далеко от стоянки, Аклета как-то раз демонстративно бросила закопченный котел, весь блестящий от похлебки на бараньем сале, и громогласно заявила:

– А почему *она* никогда не ходит на реку мыть котлы? Вроде не сахарная, не растает.

Идзури с жаром поддержала сестру:

– Вот и я не видела, чтобы она хоть раз свои белые ручки намочила. Что, только мы должны горбатиться с посудой, мыть за всех горшки да миски?

Маргарет молча посмотрела на сестер, сложив руки на груди, и не шелохнулась.

– Аклета, дитятко, у меня дел на всех хватает, не кричи, голова от тебя болит, – нахмурившись, Нзари махнула тряпкой на дочь. – Котел, может, ты и моешь, да только похлебка, что в нем была, приготовлена не тобой. Идите, идите, – жестами начала подгонять Нзари девушек. – Не стойте на месте, а то замерзнете.

Сестры с неудовольствием подняли посуду, увидев, что шум ссоры привлек внимание *дэда*, и нехотя поплелись к реке, бросая злобные взгляды на Маргарет. Та невозмутимо про-

должала стоять и сдвинулась с места только тогда, когда Нзари подозвала ее к себе, чтобы дать новое поручение.

Следующая ссора не заставила себя долго ждать. Маргарет, желая уберечься от внезапно поднявшегося холодного ветра, надела вязаный жилет, найденный в нашей кибитке в одном из сундуков со старым тряпьем. Радули увидела это и завопила так пронзительно, что ее звонкий голос разнесся на всю округу:

– Это моя вещь! Как ты посмела взять ее без спроса?! А ну отдай! – и, не дождавшись от девушки ответа, накинулась на нее с кулаками. На этот раз Нзари не вступилась за Маргарет, а продолжила равнодушно помешивать кашу, булькавшую в котле. Бедняжке пришлось, уворачиваясь от твердых кулачков Радули, поспешно снять жилет и отдать ей.

При этом я заметил, как жадно рассматривают обтянутую тонкой рубашкой грудь Маргарет близнецы Айко и Видур, и их взгляды мне совсем не понравились. Я знал, что они уже обращались к услугам продажных женщин, и не раз, и *дэда* никогда не препятствовал им в этом. И вот теперь, увидев, как они перешептываются, не сводя глаз с раскрасневшейся от обиды Маргарет, я не на шутку испугался за нее. Но предупредить не успел, ведь девушка по-прежнему избегала разговоров со мной.

События разворачивались очень быстро. В тот же день мы задержались с едой и доедали ужин уже в потемках. Мужчины собрались в кружок за костром, неторопливо раскуривая трубки. Нзари хлопотала над припасами, сетуя, что пропитания остается все меньше и скоро нам придется потуже затянуть пояса. Малыш Ильке играл камешками рядом с ней. Маргарет собрала разложенную для просушки одежду и направилась разносить ее по кибиткам, пока совсем не стемнело. Я заметил, что ее хромота немного усилилась в последние дни, но девушка ни единым звуком не выказывала свою боль. Напротив, ее походка стала еще изящнее, словно она не шла, а исполняла какой-то диковинный танец. Как только ее хрупкая фигурка скрылась во тьме, я пересел поближе к огню, намереваясь починить свои выдавшие виды ботинки. С досадой я обнаружил, что сапожная игла сломалась, а я даже не заметил, когда это случилось, и подошел к мужчинам, чтобы спросить инструмент у кого-то из старших. Вдруг я заметил, что Айко и Видур одновременно встали и двинулись в ту сторону, куда только что пошла Маргарет.

Мое сердце заколотилось от волнения. Дождавшись, пока близнецы отошли подальше, я незаметно последовал за ними. Не имея огня, я долго не мог их найти (луна еще не взошла), но вдруг услышал какие-то приглушенные крики за одной из кибиток. Осторожно выглянув из-за угла, я с ужасом увидел в свете поставленной на землю свечи, как Айко держит за руки распростертую на земле брыкающуюся Маргарет, а Видур пытается засунуть ей в рот тряпку. Гнусные намерения близнецов не оставляли никаких сомнений, и я, не раздумывая ни секунды, побежал к *дэде*.

Еле переводя дыхание от волнения и быстрого бега, я выпалил:

– Айко и Видур насилуют чужачку!

Мужчины вытаращили на меня глаза. Не знаю, что их больше поразило: то, что я осмелился напрямую обратиться к *дэде*, или то, что он, не медля ни секунды, поднялся и быстрым шагом последовал за мной без каких-либо вопросов.

Мы успели вовремя: Видур уже задрал юбку Маргарет, обнажив ее белые стройные ноги, но тут же был отброшен в сторону оглушительным ударом *дэды*. Айко сразу отпустил девушку, и та поспешно отползла в сторону, пытаясь прикрыться трясущимися руками. Я смущенно отвернулся – от вида ее обнаженных бедер кровь прилила к моему лицу.

– За что, *дэда*? – жалобно вскричал Видур, обхватив руками голову, по которой тонкой струйкой потекла кровь.

– Не смейте ее трогать, вы, два идиота, – сурово отчеканил *дэда*. – Ее чистота слишком дорого стоит, чтобы вы пристраивали к ней свои стручки.

До меня только потом дошло, насколько двусмысленными были эти слова. Уже поздно ночью, страдая от бессонницы, я понял, что он не столько беспокоился за девичью честь Маргарет, сколько обдумывал, как бы при удобном случае выгодно ее продать, и эта мысль меня глубоко поразила. Но сразу после инцидента я больше был обеспокоен тем, что нажил себе двух врагов в лице близнецов, которые догадались, кто разоблачил их намерения.

Как ни странно, неудавшееся насилие не только не смягчило отношение моих сестер к бедняжке Маргарет, а напротив, еще больше их разозлило. Я слышал, как они высказывали Нзари, сжавшей пухлые губы в неодобрительную ниточку, что *дэда* не испытывает к ним ни капли жалости, подкладывая под каждого желающего, а чужачка-недотрога у него на особом счету. Но мне не хотелось вникать в их завистливый шепот, и я ушел в свою кибитку, где Маргарет, крепко прижав к себе спящего Ильке, беззвучно плакала.

Спустя пару дней после этого случая *дэда*, наконец, заявил, что нам пора выйти к публике. Другими словами, он рискнул заехать в ближайшую деревеньку.

Община с одобрением встретила его решение. Маргарет, которая после нападения близнецов ходила притихшая и бледная, как тень, заметно оживилась. Она с воодушевлением играла в кибитке с Ильке и даже стала тихонько напевать ему песни. Мне, сидевшему на облучке, был едва слышен ее голос, но даже доносившиеся обрывки казались мелодичными и приятными. Я поймал себя на мысли, что мне хотелось бы как следует послушать, как она поет и смеется. Наверное, смех у нее серебристый, струящийся ручейком. Но я хорошо понимал, что первый повод для настоящей радости у девушки появится только при расставании с общиной. Эта мысль меня неприятно задела, и я постарался отвлечься, думая о том, что ждет нас в ближайшей деревне.

Впрочем, и эти мысли сложно было назвать приятными. Как ни старался старый Мирту обучить меня своему ремеслу, дабы я стал фокусником, когда он совсем уже одряхлеет и не сможет зарабатывать на хлеб выступлениями, *дэда* упорно направлял меня на совершенно другой путь. С горечью я думал о том, что мой удел – шарить по чужим карманам, и с этой скользкой дорожки мне уже никак не свернуть. Во всяком случае, пока я живу в общине.

Внезапно меня обожгло острое желание все изменить. Таким томительно-сладким мне показалось решение сбежать и начать жизнь с чистого листа, что от восторга и нахлынувших чувств я на мгновение ослабил вожжи, от чего моя каурая лошадка едва не ткнулась мордой в едущую впереди кибитку.

Что если и вправду сбежать?.. Я стал лихорадочно обдумывать эту запретную идею. Что если сбежать и прихватить с собой Маргарет и Ильке?..

Мысли завертелись быстро и беспорядочно. Я прикидывал варианты: отстать, свернуть, убежать ночью, уехать на рассвете... Задержаться в деревне, спрятаться, выждать время, а потом...

А потом Маргарет уедет, и я останусь один. Зачем я ей? Я горестно вздохнул и тут же задумался: а зачем она мне? Почему мне хочется быть с этой девушкой? Отчего мне нужно не просто начать новую жизнь, но чтобы в этой жизни непременно была Маргарет?

Мое сердце учащенно забилося, и я понял: новая жизнь уже началась. Ровно с того момента, как я подал Маргарет руку и помог забраться в кибитку.

Глава 8. Ольга

Едва забрезжил серенький рассвет, путники продолжили путь. До Кинлежа, как оказалось, было рукой подать, хотя по ночному ненастью эта дорога отняла бы гораздо больше времени. Утром погода наладилась, но ласковое осеннее солнце и бодрящая прохлада не радовали Ольгу, напротив, это казалось ей неуместным и раздражало.

Похоронить карлика даже не пытались – не было ни инструментов, ни сил. Тело просто завернули в плащ Грижмора и погрузили на кобылку. С этим печальным грузом и постучались в двери местного старосты.

Несмотря на то, что его односельчане по деревенской привычке поднялись спозаранку и по дорожкам, которые развезло в бурю жижу, уже сновали люди, бросая настороженные взгляды на незнакомцев, староста еще спал. Дверь открыла красномордая старуха и с недовольным видом грубо осведомилась о цели визита.

Вместо ответа Грижмор сбросил тело карлика на пол, и из-под плаща показалось жуткое мертвое лицо. Старуха неожиданно тонко взвизгнула и скрылась в глубине дома, откуда вскоре послышались тяжелые шаги. К гостям с встревоженным видом поспешно вышел староста – пожилой человек с пушистыми усами и окладистой бородой, со сна торчащей в разные стороны, равно как и густая шапка темных с проседью волос.

– Зачем вы вывалили мне это на порог? – вместо приветствия взревел он, мгновенно оценив обстановку.

– Я Ольга Мельнер, владею поместьем недалеко от Тройве, – холодно представилась женщина, вторя недружелюбному тону хозяина дома. – Пропали мои дочь и внук. Люди говорят, что в последний раз с ними видели карлика и мужчину в широкополой красной шляпе. Они шли в сторону вашей деревни. Ночью мы нашли этого беднягу мертвым на тракте.

– А я здесь при чем? – со злостью спросил староста, чье морщинистое лицо по мере рассказа Ольги заливалось краской.

– При том, что хозяин красной шляпы, вероятно, где-то в Кинлеже, – вмешался в разговор Грижмор. – А еще после визита этой парочки в Тройве и Бринте находили мертвых девушек.

Староста нахмурился и нехотя кивнул:

– Я слышал об этом.

– Велите опросить людей, – мягче произнесла Ольга. – И надо что-то сделать с телом.

Староста пригладил растрепанную шевелюру и кивком пригласил путников зайти.

Вскоре по дому загрохотали башмаки многочисленных посетителей. О страшной находке решили известить выездного судью, ныне пребывавшего в Веенпарке. До той поры покойника условились не хоронить и спрятали тело в погреб.

С опросом получилось сложнее – деревня была большая, и организовать народ, уже занятый работами в яблоневых садах, окружающих селение, быстро не получилось. Лишь к обеду выработалась хоть какая-то система: отобрали десяток ловких парней и пустили их по дворам.

Но первый результат пришел не от них. Старый Грижмор, отпросившись пропустить кружечку-другую в трактире, вскоре вернулся, запыхавшись, вместе с хозяином заведения, молодым еще мужиком, кривым на правый глаз.

– Говорит, видел красную шляпу! – с порога выпалил старик.

Ольга, все это время задумчиво простоявшая у окна, резко повернулась к пришедшим.

– Говори, Стефан, – потребовал староста.

– Да что говорить-то... – трактирщик замялся. – Поздно было, я закрывался уже. Он вошел, спросил кружку пива и постель. Ну, пива-то я ему налил, а постель стелить не стал, больно вид у него был... того... Ну, бродяга в общем. Откуда ж у такого деньги? А мне бельё

свежее жаль... Короче, не пустил я его. Разрешил в конюшне переночевать. Так он мне, подлец, в отместку кучу медяков насыпал, – мужик с досадой вынул из кармана кожаного фартука горсть тусклых монет. – А утром уже и след его простыл.

– У него было с собой оружие? – спросила Ольга.

– Да какое там оружие, госпожа, – рассмеялся трактирщик. – Палка была. Ну, вроде посоха, на конце заостренная. Конечно, ежели чего, то и такой можно хорошенько отдубасить. Но меча или что еще вы имеете в виду, у него точно не было.

– Как он выглядел? Кроме шляпы, имелось что-то примечательное в его внешности? – продолжила расспрашивать Ольга.

Мужик пожал плечами.

– Да я толком его и не разглядел. Темно было, я свечи уже стал гасить. Шляпа здоровенная, красная, под полями лица не видать. Одежонка потрепанная, старая, башмаки в грязи. Я еще подумал, что после него придется полы отмывать, а девчонка-то моя прихворнула...

– А рост?

Трактирщик задумался.

– Да пожалуй, что невысок. Шляпа здоровая, но сам пониже меня будет.

– Ну а борода длинная? – не успокаивалась Ольга.

– Борода? – переспросил мужик, почесал в затылке и усмехнулся. – Бороды-то не было, вот что!

– То есть сам бродяга, одет бедно, но лицо выбрито? – уточнила женщина. Староста насторожился, пытаясь понять, к чему она клонит.

– Ну, может, щетина-то и была... – замялся трактирщик. – Говорю ж, лица не разглядел, еще шляпа эта. Но бороды точно не было.

– А куда идет, не сказал? – спросил, наконец, и староста.

– На север, – уверенно ответил мужик. – Сказал, что на юге ему делать уже нечего и надо возвращаться на север, в родные места.

– Так и сказал? Делать уже нечего?

– Да, – закивал трактирщик. – Я еще удивился, какие могут быть дела у бродяги. Да и зима скоро, а они обычно на юг идут, где теплее.

– Спасибо тебе, добрый человек, – поблагодарила Ольга и, раскрыв кошелек, вручила ему монету. – Если вспомнишь еще что-то, сообщи мне.

– Все как на духу расскажу, госпожа, не сомневайтесь, – заверил ее обрадованный трактирщик и, беспрестанно кланяясь, покинул дом.

– Какой-то странный он, этот бродяга, – растерянно протянул староста. Ольга, размышляя о своем, кивнула.

– Пойду еще раз взгляну на карлика. Может, найду какую-то подсказку, кто они и откуда, – решила она. Грижмор поморщился.

– Может, не стоит, госпожа? Ну что вам с покойником делать?

Ольга скользнула по слуге задумчивым взглядом и, ничего не говоря, направилась к погребу.

– И госпожа твоя странная, – раздосадованно бросил староста. Грижмор лишь пожал плечами.

Тело устроили как можно дальше от припасов, аккуратно обложив льдом. Пробираясь среди копченостей и россыпи картофеля и яблок, Ольга решила, что погреб не впервой использовали для таких целей, но, подойдя ближе к умершему, она уже не думала ни о чем другом, кроме как о скоротечности человеческой жизни и ее хрупкости.

«Еще вчера он, быть может, радовался осеннему теплу и звонкой монете в кармане, – скользнула тоскливая мысль. – А сегодня уже лежит среди свиных туш, такой же холодный и бесчувственный».

Отчего-то никто не сообразил опустить покойному веки, и от остановившегося взгляда мертвых глаз Ольге стало сильно не по себе. Она встряхнулась, призывая остатки решимости, и стала внимательно осматривать тело.

Костюм был под стать бродяге и соответствовал, по описанию трактирщика, одежде его красношляпого спутника. Куртка с чужого плеча была длинновата карлику, потому хозяин когда-то давно небрежно подвернул ее рукава. На локте зияла прореха, карманы оказались не только пустыми, но и дырявыми. Штаны были подпоясаны простой веревкой, а снизу неровно обрезаны, одного ботинка, как еще с ночи заметила Ольга, не доставало. Под курткой виднелась грязная рубаха. Когда женщина отвернула полу куртки, то заметила внутренний карман, в котором прощупывалось какое-то содержимое. То был кожаный мешочек, туго стянутый шелковым шнурком – вещь недешевая, в хорошем состоянии. Она странно контрастировала с нищенским обликом покойного.

Ольга высыпала все, что находилось в мешочке, на пол и подсветила фонарем, чтобы лучше разглядеть. И от увиденного у нее заколотилось сердце: среди прочего там оказалась красная лента, похожая на те, которыми любила украшать волосы Хромоножка.

«Это может быть просто совпадение, – одними губами, почти беззвучно прошептала Ольга. – Многие девушки любят такие ленты».

Стараясь унять нервную дрожь, она продолжила рассматривать вынутые предметы, но они ни о чем ей не говорили. Кроме ленты, в мешочке был маленький звонкий колокольчик, совсем крохотный, не сгодившийся бы даже для того, чтобы подвесить на шею ягненка, а еще плоский камень с изображением трех извилистых линий.

Ольга еще раз внимательно осмотрела находки. Поднесла ленту к лицу, понюхала ее, но нет, сладковато-свежего запаха Маргарет от нее не исходило. Ленточка пахла только кожаным мешочком, в котором лежала. Наверху послышался какой-то шум, и женщина поспешила подняться из погреба.

В комнату набились люди, среди которых выделялся великан с растерянным лицом и отчаянно рыдающая женщина, едва держащаяся на подгибавшихся ногах. Все шумели, толкались, староста напрасно требовал тишины – в царившей неразберихе невозможно было навести порядок.

Ольга встретила взглядом с Грижмором, и тот жестом предложил выйти на улицу. Там он пояснил причину столпотворения.

– Нашли еще одну убитую девушку. Не Маргарет, – тут же поспешил уточнить он, увидев, как изменилась в лице Ольга. – Тот верзила – местный дровосек. Сегодня утром он обнаружил единственную дочь мертвой в овраге за околицей. Накануне они отправились с ней в лес за дровами, но отец задержался на ночь, а девушку послал домой. Мать ничего не знала об этом. Утром он вернулся – дочери нет. Стали искать и нашли только сейчас.

Шум в доме старосты усилился, выкрики стали слышны даже на улице. Вдруг дверь распахнулась, и из дома начали один за другим вылетать люди.

– Пошли прочь, негодяи! – послышался громоподобный голос старосты. Два дюжих молодца, работавшие у него кем-то вроде вышибал, проворно вышвыривали скандалистов, кое-кому еще и отвешивая напоследок пинка.

– Заходите! – зычно скомандовал староста Ольге и Грижмору. Те поспешно вернулись, и охранники тут же закрыли за ними дверь.

В доме остались только они и дровосек с женой, сидевшие у стены. Старуха хозяйка, как могла, утешала их.

– Горе пришло и в нашу деревню, – мрачно произнес староста. – Я сегодня же пошлю извещение в Веенпарк. Мои парни отправятся на север, в Сонмер, – старик кивнул на дюжих молодцев, – авось им посчастливится встретить красношляпника. Или хотя бы предупредить тамошних.

– Я поеду с ними, – тихо проговорила Ольга. Староста удивленно посмотрел на нее, но она достала мешочек карлика. – Лента могла принадлежать моей дочери. Я должна сделать все, чтобы ее найти. Можно спросить этих людей кое о чем?

Не дождавшись разрешения, Ольга подошла к дровосеку и его жене. Женщина была вне себя от горя, ее лицо выражало такое отчаяние, что Ольга не решилась к ней обратиться. Дровосек недоумевающе глянул пустыми глазами.

– Что вам угодно? – глухо произнес он без всякой интонации.

– Я ищу свою дочь, – прямо сказала Ольга, и от ее слов плечи женщины вздрогнули. – Сколько лет было вашей девочке?

– Пятнадцатый год пошел, – дровосек тяжело вздохнул.

– Как она умерла?

– Горло, – мужчина издал какой-то булькающий звук. – Этот зверь перерезал ей горло.

– У нее ничего не пропало?

– Что может пропасть у дочери бедняка? – с горечью произнес дровосек. – Лента да дешевенькое колечко?

– Это не ее вещь? – осторожно спросила Ольга, показав красную ленту, но дровосек покачал головой.

– Я не знаю.

При виде ленты жена дровосека вновь разразилась горькими рыданиями.

– Оставьте нас, прошу, – шепотом произнес дровосек. Ольга больше не посмела тревожить безутешных родителей и вернулась к старосте.

– Когда выезжаем? – обратилась она к старику.

– Парни готовы. Велю старухе собрать вам еды.

– Благодарю, – Ольга протянула старосте серебряную монету, но тот отказался.

– Что ж мы, нелюди какие, – печально возразил он. – Ищите свою дочь. А мы будем молиться, чтобы она оказалась жива.

Ольга коротко простилась со старостой и вышла на улицу распорядиться насчет коней.

От свежего воздуха, переживаний и голода голова шла кругом. Только сейчас Ольга поняла, что с минувшей ночи не съела ни крошки. «Не упасть бы с коня», – мелькнула мысль. Она достала из мешка яблоко, но при том, что живот свело от голода, Ольга не смогла проглотить ни кусочка. Тогда она протянула яблоко лошади и припала к ее теплой шее, прикрыв на минуту глаза. Ее одолевали тягостные мысли. Внезапно показалось очень важным решить, принадлежала ли найденная лента Хромоножке или нет, но женщина никак не могла сконцентрироваться и вспомнить. Вдруг послышался любимый голос:

– Ольга!

Волна радости тут же накрыла ее. Ольга обернулась и увидела Альтаира, стремительно приближающегося со встревоженным выражением на лице.

«Теперь мы справимся», – с облегчением подумала она.

Глава 9. Никлаус

Смотр новой чудо-пушки Бальдо решил обставить с максимальным шиком. Впрочем, надо признать, он имел на то полное право. За последние годы благодаря настойчивости и огромной личной заинтересованности герцога снаряжение королевской армии значительно улучшилось, и этого никто не посмел бы отрицать. Ее основу по-прежнему составляла пехота, вооруженная копьями и мечами, но теперь еще появились собственные отряды лучников и элитная летучая конница. Понемногу доставлялись и огнестрельные орудия, хоть и представленные пока дряхлыми и жутко неповоротливыми пушками, выкупленными из республиканских запасов.

Сегодняшнее торжество Бальдо было вполне объяснимо. После невероятно сложных и долгих переговоров с иностранными инженерами (говорили, что не обошлось без подкупа, а может, и откровенного шантажа), спустя месяцы напряженной работы королевские оружейники представляли на высокий суд новое артиллерийское орудие. Его внешний вид, технические характеристики и назначение содержались в строжайшем секрете, за исключением некоторых приближенных особ, которых накануне познакомили с деталями в кабинете Бальдо.

К обозначенному времени во внутреннем дворе королевского дворца уже собралась порядочная толпа. Для зрителей сколотили деревянный помост со скамьями в несколько ярусов, в центре которого установили кресла для королевы, ее фаворита и инфанта. Приближенные королевы из числа самой высокопоставленной знати уже заняли лучшие места. А вот Никлаус и Виктор предпочли остаться среди знакомых офицеров, которым определили место слева от огороженной площадки. Там уже стояло орудие, скрытое от любопытствующих взоров мешковиной.

Зрители возбужденно переговаривались, выдвигая предположения относительно того, что будет представлено на смотре. Никлаус терпеть не мог досужие вымыслы, поэтому демонстративно отвернулся к угрюмо молчавшим товарищам, шурящимся от слишком яркого по осенним меркам солнца.

– Что, Аллен, на восток собрался? – спросил один из офицеров, грузный мужчина с ключковой бородой.

– Собрались, да никак не отпустят, – весело ответил за обоих Виктор. Офицер скользнул по нему сумрачным взглядом, но ничего не сказал.

– Говорят, кочевники совсем распоясались, – негромко сообщил Никлаус. – Поедем проведем парней в гарнизоне под Оллеттом.

Офицер слегка наклонил голову вбок, отчего стал походить на голубя.

– Я вчера был с докладом у Бальдо: уже третью деревню за два месяца уничтожили. Местные перепуганы насмерть.

– Меня он в эти подробности не посвятил, – удивился Аллен. – Так, стало быть, есть повод применить новое орудие в деле?

– Не так быстро, – усмехнулся офицер. – Не знаю, что за чудо изобрели оружейники, но пушкарей у нас раз, два и обчелся. Кто стрелять будет? Ты, что ли, Виктор?

Осни хохотнул.

– Ну ежели разобраться, что к чему, да потренироваться, можно и мне.

– То-то и оно. Разобраться да выучиться – на это время нужно. А кочевники шалят все больше. Кроме того, посмотрите, – офицер махнул в сторону от площадки, где в песке пролегли глубокие борозды.

– Тяжеленная, – догадался Аллен.

– Непросто будет доставить орудие в гарнизон, немало времени займет. Ты хоть раз кочевников видел, Никлаус?

Капитан признался, что не доводилось.

– Они быстрые, легкие и очень маневренные. Ты готовишься отразить их справа, а они уже летят слева. Ты повернул к ним навстречу, а они уже у тебя за спиной. Что толку от такой здоровенной дуры, если ее с места с трудом сдвинешь?! – с досадой махнул рукой офицер.

Возразить ему друзья уже не успели. Раздался звук фанфар, и на помост, шурша великолепным парчовым платьем, сверкая переливающимися в солнечных лучах драгоценными камнями, стремительно поднялась королева Элеонор под руку с бледнолицым высоким мальчиком-инфантом в коричневом бархатном одеянии, расшитом золотыми листьями. За ними на некотором расстоянии, но все же чуточку ближе, чем полагалось по этикету, ступал Бальдо с торжествующей улыбкой на губах. Когда все, наконец, расселись и на площади воцарилась нетерпеливая тишина, королева величественным кивком дала сигнал к началу змотра.

В центр площадки вышел человек, в котором Никлаус признал главу королевских оружейников. У него была приметная внешность – мелкие ожоги оставили на лице и руках многочисленные шрамы.

– Ваше величество, – звучным голосом начал он и низко поклонился королеве. – Предлагаю вам новое изобретение нашего цеха, над которым мы трудились целый год. Это было непросто. Доселе наши возможности и знания не позволяли нам изготовить оружие такого уровня. Нам очень помогли приглашенные специалисты... – оружейник осекся под недовольным взглядом Бальдо, поняв, что сболтнул лишнее. – Нет никакого сомнения, что наше изобретение усилит мощь вашего войска и позволит надежно защищать границы королевства.

– Тем более что его восточные окраины так в этом нуждаются, – промурлыкал довольный Бальдо и поцеловал тонкие пальчики Элеонор.

– Ну что ж, показывайте. А мы решим, как и где использовать ваше изобретение, – не обращая внимания на любезности герцога, повелела королева и отдернула руку.

Оружейник ухватил мешковину за край и с усилием потащил, обнажив расположенную на деревянном резном лафете великолепнейшую картауну длиной в несколько метров с коротким массивным стволом. Дуло зияло устрашающей пустотой, как будто мифическое чудовище зевнуло, распахнув пасть, да так и осталось с разинутым ртом. Пушечные бока были натерты до золотого блеска, усилившегося на солнце, от чего у многих зрителей тут же заслезились глаза.

По помосту прокатились возгласы восхищения. Но офицеры, среди которых находились Никлаус и Виктор, молчали. Их давешний собеседник негромко пробормотал:

– Ну что я говорил! Такое оружие послужит в осаде, но против кочевников?..

Оружейник начал торопливо расхваливать свое детище, рассказывая о его преимуществах, но Аллен не вникал в сказанное. Его охватило жгучее разочарование от правдивости слов соседа: пушка, несмотря на внушительный вид, и вправду была предназначена только для осады крепостей. Вероятно, ее можно было бы набить картечью, но в открытом бою да против летучих кочевников капитан не видел ей применения. Но неужели сам Бальдо этого не понимал? Судя по довольному выражению лица, его вполне устраивала картауна.

Оружейник смолк, закончив описывать достоинства новинки. Тогда Бальдо вновь подхватил руку королевы.

– На юге, ваше величество, такую пушку называют джазэб, что в переводе...

– ...Соловей. Я знаю, – перебила его королева. – Что ж, хорошо бы посмотреть, как поет ваша птичка.

Возникла напряженная пауза. Оружейник со смущением и тревогой смотрел на Бальдо.

– Вы же продемонстрируете, как стреляет чудо-изобретение? – не обращая внимания на заминку, продолжила Элеонор. В ее голосе зазвенел металл. – Вы, очевидно, подготовили ядра и мишень. Ваши мастера покажут нам дальность выстрела и его силу, чтобы мы поняли назначение орудия и насладились его мощью. Ведь так, герцог?

Она впилась глазами в Бальдо, между бровями у нее залегли две вертикальные полосы, отчего красивое лицо приобрело суровый и даже зловещий вид.

Наступила гробовая тишина. Даже помост перестал скрипеть под ногами зрителей. Никлауса охватило предчувствие, что вот-вот разразится скандал.

– Или вы считаете, что ваша королева ничего не смыслит в артиллерии? Полагаете, достаточно показать ей сверкающую безделицу, на которую было потрачено столько времени и казенных средств, что можно было выучить и снарядить не один десяток солдат? Или вы думаете, что наши враги должны сложить оружие от одного только вида этой пушки? Если, конечно, найдутся силачи, которые сумеют вовремя выкатить ее на поле боя. Я вас спрашиваю, Бальдо! Что. Вы. Думаете. О своей. Королеве? – отчеканила каждое слово Элеонор и уставилась тяжелым взглядом на любовника.

Бальдо побагровел от прилюдного унижения, которым обернулся его триумф. Ярость королевы была для него совершенно неожиданной, и он не нашелся, что ответить, только его прерывистое дыхание слышалось в гнетущей тишине.

– Малек! – громогласно позвала королева казначея, и тот, неловко поднявшись со скамьи и наступив на платье сидевшей рядом дамы, торопливо поклонился. – Сегодня же представьте мне отчет о расходовании казенных средств на это изобретение, вплоть до последнего медяка!

– Но, ваше величество, работы еще не закончены! – Бальдо вышел из оцепенения.

– Я разберусь, герцог, будьте покойны, – ядовито процедила королева. – Если вы забыли, так я напому, что в моей власти не только открывать театры и раздавать милостыню нищим, но и вести казну, следить за содержанием армии и... – она сделала многозначительную паузу, – принимать отставку канцлера и назначать нового!

Голос Элеонор звучал сурово. Каждое слово будто хлестало Бальдо по округлившимся щекам, а последняя фраза вызвала волну перешептываний на помосте – о болезни Ристера знали все.

– Вы *этим* хотели сражаться на востоке против кочевников? – презрительно спросила королева.

– Но, ваше величество... – Бальдо окончательно овладел собой и повысил голос, пытаясь изменить ситуацию в свою пользу.

– Никаких «но»! – прервала его Элеанор. Инфант внимательно слушал мать, не сводя с нее восторженных глаз. – Хотели, так везите! И пока орудие не проявит себя в деле, пока кочевники не будут разбиты и не перестанут губить моих людей на востоке, вы не получите больше ни единой монеты на новые пушки! Слышали, Бальдо! – королева быстро поднялась и сверху вниз посмотрела на герцога. – Ни единой монеты!

Герцог неторопливо встал и, сверля ненавидящим взглядом Элеанор, медленно склонился в неглубоком поклоне. Та стремительно сошла с помоста, увлекая за собой инфанта. За ней потянулись придворные.

– Дело плохо, – почесал в затылке Осни. – Чувствую, Никлаус, надо нам сматываться, и побыстрее, пока нам не всучили кое-что на дорожку.

Мысль была здравой, но запоздалой. Бальдо, стиравший платком пот, градом катившийся по лицу, приобретшему нездоровый оттенок, уже энергично махал Аллену, призывая к себе. Капитан нехотя подчинился.

Первым, что он услышал от герцога, был поток бранных слов о королеве, ее родственниках и особенно о ее матушке, а также обо всех женщинах мира, включая волшебниц и пресвятых дев.

Офицеры молча ждали, когда Бальдо выплеснет свой гнев. Оружейник стоял рядом с совершенно потерянным видом.

– Она что-то заподозрила, – перешел, наконец, на приличные выражения герцог. – Какая-то крыса на меня донесла. Но почему это надо было так обставлять? Зачем подвергать меня такому унижению? Мало я разве ей служил?!

И тут герцог снова выпустил залп ругательств, от которых даже Осни, большой мастер по части крепких выражений, неловко улыбнулся.

– Аллен, – Бальдо цепко схватил капитана за плечо. – Езжай в Оллетт. Бери с собой эту чертову пушку. И размажь проклятых кочевников по степи так, чтобы их кишки разметало до самой Республики. Королевству нужна артиллерия, и теперь только от тебя зависит, когда мы ее получим. Не знаю, что Элеонор будет искать в бумагах. Еще этот Ристер, чтоб он сдох в мучениях! Где его прошение об отставке? Впрочем, как будто формальность что-то изменит...

Бальдо скривился, словно его пронзила нестерпимая зубная боль, и ударил пухлым кулаком по деревянному сиденью. Покачав головой, он снова повернулся к Аллену и решительно произнес:

– Езжай. Бери хоть весь батальон. Но чтоб через месяц королева получила отчет о твоей победе, в котором ясно будет написано, что именно пушка решила все.

Глава 10. Трегор-дин

Когда до ближайшей остановки осталось не больше одного дня пути, произошло еще одно событие, окончательно раскрывшее мне глаза на истинную сущность *дэды* и укрепило в желании бежать из трупшы.

Все наши выступления, как правило, происходили по одному и тому же сценарию, утвержденному уже много лет назад и все это время остававшемуся без значительных изменений.

Первым делом мы устанавливали шатер. Дело это было трудное, тяжелое, к нему, помимо наших силачей Вознака и Ширу, привлекались все мужчины общины, включая меня.

В это время близнецы и Радули развлекали публику небольшими сценками или кукольным театром. Старая Кови с гадальными картами усаживалась на пестрое лоскутное одеяло в ожидании молоденьких девушек, желающих узнать свое будущее. Нзари выкладывала на продажу рукоделие из шерсти, а фокусник Мирту приглашал парней испытать судьбу игрой в стаканчики, а попросту – переквалифицировался в обычного наперсточника. Даже дурачок Мэ, от которого обычно не дождешься и двух связанных слов, пел старые псалмы таким проникновенным и звучным голосом, что публика вместо того, чтобы освистать идиота и закидать его тухлыми яйцами, бросала ему под ноги мелкую монету.

Главное представление, конечно, происходило позже, в шатре. Мы не ставили лавок для публики, а, напротив, сколачивали помост, чтобы зрителям было хорошо видно артистов. Каждый из нас отлично знал свое дело. Пока силачи, гимнастки, шпагоглотатели и пожиратели огня заставляли удивленных зрителей аплодировать в восхищении, я шнырял в толпе, проверяя содержимое карманов. Апофеозом представления был лев, которого *дэда* величаво вывел на цепи на помост под испуганные вскрики женщин и одобрительные возгласы мужчин.

Словом, все проходило по строго установленному порядку, в который входило даже непристойное кокетство Аклеты и Идзури.

Так должно было случиться и на сей раз. Но с подачи неугомонных сестер, а может, так задумывалось изначально, *дэда* решил на изменения.

Вечером, накануне того дня, когда мы собирались заехать в деревню, *дэда*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.